

СОФИЯ УСТИНОВА

НЕ ПРИМИРИМЫЕ
1-2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

София Устинова
Непримиримые 1-2

«Автор»

2018

Устинова С.

Непримиримые 1-2 / С. Устинова — «Автор», 2018

Что делать, если ты - гадкий утёнок? Что делать, если при этом умна, упряма и целеустремлена? Правильно! Жить, несмотря ни на что! К тому же, гадкие утята имеют тенденцию превращаться в прекрасных лебедей! Что делать, если соседи становятся виновниками разлада в твоей семье? Что, если мама навязывает дружбу с девчонкой, которая настоящая дурнушка? Правильно! Максимально усложнить жизнь соседке. Между нами соперничество и лишь несколько шагов отделяют от откровенной вражды... Или любви? Герой - нехороший мальчик! Героиня - не кисейная барышня. Они - сильные личности, поэтому накал страсти на грани спалить мир. Внимание! 5 частей - 3 книги!

© Устинова С., 2018

© Автор, 2018

София Устинова

Непримиримые 1-2

Умение общаться и не принимать в штыки каждую реплику, брошенную в лицо или в спину – величайшая способность, а умение прощать – дар, которым, к сожалению, обладают редкие.

Возможно, не самая умная, но мысль автора...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

(10 лет назад)

Ирина

Неприязнь возникает либо с первого взгляда, либо после обиды на человека. Взрослые могут себя контролировать, терпеть, найти компромисс, но дети... Они не будут любезничать с тем, кто им не нравится. Они жестоки и порой бессердечны. Поэтому самыми ранними и страшными институтами воспитания личности являются сад и школа. Да, именно они. Детские обиды оседают глубоко в сознании и оставляют отпечаток до конца жизни. Психологические травмы, нанесённые в этом возрасте, как правило, и становятся причинами трагедий и конфликтов личностей. Этого не избежать, ведь мы все разные, а живём в социуме.

Вот только, если детсадовские ссоры, споры и обиды случаются потому, что не все дети умеют делиться или ещё не научились бытовать в коллективе, то школьные – куда страшнее и безжалостнее, ведь дети закрепляют умения быть хитрыми, подлыми, коварными, циничными. А если ещё при этом они сбиваются в группы, то такая стая может уничтожить не одну детскую душу.

Вот так и я, приехав в пригород Петербурга с родителями, подверглась нападкам со стороны ребят, едва мне исполнилось десять лет. По крайней мере, это стало одним из самых ярких и жутких воспоминаний детства, которое легло в основу моего нового мира и устремлений.

Жизнь поменялась в одночасье, и привычное осталось в родном городе. Теперь всё было чуждое и новое.

В Олонце мама прошла первый курс химиотерапии, но потом ей рекомендовали клинику в Санкт-Петербурге. Моя семья могла бы снимать жильё, доходы отца позволяли даже купить недвижимость, но у бабушки и дедушки был домик в районе частных новостроек, где и решили остановиться, ведь сбережения могли пригодиться...

Мама, как только врачи дали добро, сразу же начала проходить второй курс лечения, и поэтому все пребывали в угнетённом состоянии, несмотря на попытки переносить трудности стойко. Отец всю поддержку маме, а мне хоть и было десять, но уже чётко понимала хрупкость жизни и крепость верного плеча. Изо дня в день смотрела, как угасает некогда красивая и весёлая мать, и как по вечерам отец, будучи уверенным, что все спят, один на кухне тихо рыдал и взывал к богу и его милости.

Несправедливость... Её познала сполна, ведь потерять родного человека, который с рождения оберегал и дарил любовь, было нестерпимо больно.

За что?!

Часто себе задавала этот вопрос. Ответа так и не находила, и только страх потерять и отца не позволял отдалиться от семьи.

Любовь... Остро ощущала нежность папы по отношению к матери, а ещё нехватку внимания, которым раньше баловали родственники. Нет, меня продолжали любить, только сейчас

всё внимание было обращено к маме, и на единственного ребёнка времени уже не хватало, поэтому была предоставлена сама себе.

Стойкость характера... Я верила до последнего, что семье это поможет, но увы, уже через пару месяцев после переезда в загородный дом бабушки и дедушки и борьбы за жизнь, родители проиграли. Мама умерла тихо. Ночью. А когда я проснулась, папа с бледным, осунувшимся лицом сообщил, что мамы больше нет.

Отправил в школу, а сам занялся делами.

Школа...

В классе я до сих пор считалась новенькой, и поэтому подруг ещё не завела. Я и до Питера не особо славилась общительностью, а теперь так и вовсе забились в кокон. Лишь поглядывала со стороны, как другие на переменках дурачатся, и молча завидовала мальчишкам и девчонкам, которые веселились, не задумываясь над превратностями судьбы.

Правда, некоторых ребят уже знала в лицо. Они жили, как и я, в районе частных домов. Их видела часто, но они не стремились со мной заговорить. Даже скорее иногда одаривали снисходительными, а порой брезгливыми взглядами.

Я честно не понимала, почему.

Один мальчик особенно часто мозолил глаза. Нет, не специально. Он жил по соседству, поэтому его встречала чаще других. Белобрысый, прямоносый, долговязый, с необычными пасмурно-серыми глазами в обрамлении светлых ресниц. Вначале он показался милым, забавным и очень интересным.

Окна моей спальни выходили на окна его комнаты, которая располагалась на втором этаже. Я не хотела, но иногда подсматривала, как он читал, бросал маленький мячик в стенку или слушал музыку, лёжа на постели.

К нему часто приходили друзья. Между домами была оборудована незаурядная спортивная площадка, где они и играли, катались на скейтах, роликах, танцевали под музыку. Мир мальчика казался глубже, шире и полней. Настоящим, живым, ярким.

Игнат, а его звали именно так, был таким талантливым, красивым, общительным, что прониклась к нему симпатией и втайне стала мечтать о знакомстве.

Я не особо вдавалась в личную жизнь мальчика, но как поняла по разговорам и по обрывкам фраз, отец Игната и его мать постоянно ругались и были на грани развода. Миловидная блондинка с безумно красивыми глазами того же серого цвета, что и у сына, только в обрамлении бархатных чёрных ресниц. Она всегда была улыбчива, обходительна, вежлива, учтива. Часто намекала, что если мне не с кем общаться, можно обратиться к Игнату. Он старше всего на пару лет. Разница небольшая. Может, найдутся общие интересы...

Она не спрашивалась в подруги к родителям, но когда случилось горе, первая из окружи, кто сразу же предложил свою помощь. Папа и бабушка с дедушкой были в какой-то прострации и поэтому не отказались.

Пока устраивали похороны, Амалия Юрьевна – так звали соседку – не раз повторяла: «Малышка, ты такая сильная девочка, но тебе не обязательно сидеть дома. Жизнь продолжается. Вон, Игнат с ребятами гуляет. Пошла бы к ним...».

Однажды, когда остро ощутила себя лишней и совершенно одинокой, и было нестерпимо плохо дома, я вышла на улицу. Некоторое время качалась на качелях, которые были установлены во дворе, а когда услышала мальчишечьи смешки и девичьи хихиканья, пошла на голоса. Выглянула из-за угла дома и сразу же увидела ребят. Парни и девчата слушали музыку и болтали, раз за разом раздражаясь смехом. Возраста они были примерно одного, но однозначно старше меня. Из моей школы, и почти все – из параллели Игната.

Решительно глотнула воздуха и зашагала к ним. Земельные участки обоих домов были окружены высокими металлическими заборами, а внутренняя разделительная часть между –

невысоким сетчатым, поэтому остановилась напротив ребят, но на своей придомовой территории, возле дерева.

Смотрела на мальчишек и девчонок, не зная, с чего начать разговор, но так как впервые в жизни ощутила необходимость быть с кем-то, всё же раскрыла рот:

– Привет, – подала голос, но никто не ответил. Ребята продолжали заниматься своими делами и даже не обратили на меня внимания. – Привет, – повторила чуть громче, и сердечко пропустило удар, когда Игнат первым метнул удивлённый взгляд.

Тотчас пронзило от глубины глаз мальчика. Никогда в жизни не видела ничего более красивого и гипнотического! Слова застряли в горле, поэтому лишь затравленно выдавила улыбку.

– Тебе чего? – кивнул он, совершенно не излучая радости от общения, и даже с некоторой брезгливостью.

Я растерялась и только сейчас поняла, что все ребята перестали болтать и обернулись. По коже тотчас пробежались щекотливые мурашки, а грудь сдавило от волнения.

– А можно мне с вами поиграть? – проямлила, уже понимая, что секундная храбрость испаряется. – Мне скучно.

– Мы что, клоуны? – нахмурился парень, и его друзья рвано хохотнули.

– Нет, – засмушалась. – Я бы тоже хотела научиться, как и вы... кататься и прыгать... – это уже добавила шёпотом, потому что стало совсем неудобно и до гусиной кожи страшно.

На некоторое время повисло молчание, ребята в недоумении переглядывались. Девчата неприятно хихикнули, а Игнат скривился:

– Куда тебе прыгать? Ты же книжный червь! Землю расколоть хочешь в лабораторных целях?

– Нет, – опешила и заломила руки. – Но я буду очень стараться делать, как и вы...

– Нет! – отрезал так хлётко, что мне словно под дых дали, и даже онемела от неожиданности. – Вали отсюда, Королёк... – мальчик отвернулся, всем видом показывая, что разговор окончен.

Ребята неприкрыто захохотали, а одна из девочек озадачилась:

– Почему Королёк? Я бы хомячком назвала...

– Да у неё фамилия Королькова, – отмахнулся Игнат. – Ах-ах, но ты права, – разразился смехом, – Хомяčkова было бы вернее! Прикинь, хомяк по стене ползёт, или сальто крутит?

– Ну, или хотя бы было более в тему, – колко подметила другая девочка. – Гадкий утёнок...

Вот теперь уже ребята откровенно ржали.

Тот жуткий гогот пронзил в самое сердце. Хрупкий мир треснул на миллионы кусков и обрушился с оглушающим звоном.

От обиды стиснула кулаки и зубы. Я никогда никого не оскорбляла, почему же со мной так несправедливы? Едкие слёзы набежали на глаза. Смахнула их тыльной стороной ладони и бросилась к себе в дом.

Никто из родственников не заметил моей боли и рыданий. Ворвалась в комнату, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной. Скатилась на пол и долго плакала в одиночестве.

Когда слёзы иссыкли, а глаза едва открылись от того, что опухли, встала. Подошла к зеркалу во всю дверцу шкафа, сейчас занавешенное простынею. Сдернула ткань и уставилась на себя.

На меня смотрела невысокая и зарёванная девочка.

Хомячок?.. Я?..

Ну да, другие девочки тоньше и изящнее, но раньше такое не бросалось в глаза. Странно, почему-то до сего дня я не задумывалась над своей полнотой, да и никто из родственников не говорил об этом. Меня любили такой, какая была, и всегда называли красавицей, умницей.

Папа – принцессой... Самой лучшей на свете. «Ты у меня талантище, моя принцесса. Главное, пока о мальчишках не думай. Пустое это, да и отвлекать будут. Только знания. Остальное будет. Потом. Со временем!»

Я верила ему и другим родным.

И что ж это получается: я жирная уродина, с которой никто не хочет дружить?

Гадкий утёнок?

Хомяк?..

Пристально разглядывала себя, и чем дольше прожигала в отражении дыры, тем ярче ощущала приливающую силу и жажду доказать, что я не хомячок!

Игнат

Неприязнь возникает резко, пробирается в душу глубоко, приживается быстро, отравляет ядом медленно, а избавиться от неё практически невозможно. Для того, чтобы вызвать неприязнь, не обязательно что-то сделать собственноручно, можно стать и невольной причиной.

Подобное ощутил, когда мне исполнилось двенадцать.

Всё вроде было, как обычно. Школа, друзья, девчонки, новые увлечения: скейт, велосипед, ролики, паркур... пусть и в дилетантском исполнении. Уже присмотрел несколько площадок, куда хотел ходить, чтобы отточить мастерство. И тут на тебе: к соседям приехали родственники! Муж, жена и их малолетняя пухлая доченька.

Мне бы до них и дела не было, но от их приезда пострадала моя семья. Мама... слишком прониклась проблемами соседей. Стала такой сочувствующей, что всё время только и говорила, как им трудно приходится. «Бедная Светлана Григорьевна. Как ей больно. Несчастный Сергей Николаевич. Так страдает... А их доченька. Мужественно переносит тягости, не плачет и не капризничает. Настоящая маленькая леди. Вот бы ты за ней присмотрел! В школе бы помогал. Не давал в обиду. Да и в компанию бы взял. Её семья сейчас трудные времена переживает: у Светланы Григорьевны рак, Сергей Николаевич работает, за супругой ухаживает, бабушка и дедушка тоже. Вот они и заняты хлопотами, а девочка одна в чужом городе и школе».

Мама совсем соображать здраво перестала?! Куда эту толстуху мелкую с собой возьму? Компания у нас крутая – мы спортом занимаемся. А она что делать будет?

Пытался возвать к рассудку мамы, но она настаивала, и меня всё больше это злило. Вскоре уже стал ненавидеть девчонку заочно, пусть даже мы не были знакомы и она ко мне не приближалась. Жила в своём замкнутом мирочке книг и знаний и, по сути, в школе ни с кем не общалась. Эдакий книжный червь. Заучка от кончиков волос и до пят, не умеющая ничего, кроме как поглощать тоннами знания. Это, конечно, неплохо, я и сам любил учиться, но смотрел дальше и шире, потому мои увлечения были гораздо богаче. Друзья шутили, что если бы не был увлечённым спортсменом, то с полной уверенностью заслужил бы звание «главный ботан школы». Ну да, даются мне точные науки, книги глотаю быстро, инфа хорошо оседает, и большая часть легко усваивается.

Но голову от знаний не терял, наоборот – развивал себя во всём, что нравилось и интересовало. Вот только мир рухнул в тот момент, когда мама после очередного скандала с отцом объявила, что они разводятся! Это случилось аккуратно, когда мать девчонки умерла. А моя слишком увлеклась состраданием и помощью в организации похорон и т.п.

А когда жуткая новость прогремела, меня словно почвы под ногами лишили. Родители и раньше ругались, вплоть до битья посуды, проломленных дверей, вмятин в стенах. О разводе говорили, но именно в этот раз понял, что мама настроена решительно.

Отец горячо любил маму, жутко ревновал, любое внимание на сторону воспринимал, как измену и предательство, реагировал остро и бурно. Хотя сам он не был святым – я догадывался о изменах и загулах... Ну да, неправедный батя, они ведь разными бывают. Мама знала, за

кого выходила. Они с молодости вместе, точнее со школьной скамьи. Отец тогда был одним из самых крутых парней в школе. Чёрный пояс по кикбоксингу – это тебе не шутки! Он гонял всех и все его знали.

Да и после свадьбы батя, по сути, только тем и зарабатывал, что участвовал в подпольных боях. Правда, побеждал не так часто – молодое поколение быстро подтягивалось, но в своих кругах был знаменитой личностью. Громкие вечеринки, море выпивки, куча доступных телок... Сложно устоять, а так как батя был в этом слаб... вот и случалось.

Но он любил! Любил сильно и без памяти. Клялся, что больше никогда, молил простить, уверял, что жить не сможет...

Мама всегда терпела, прощала...

Она привыкла так жить, найдя успокоение в работе – в написании книг. и весьма успешно, но иногда не выдерживала. Она ведь тоже его любила. По крайней мере, я был в этом уверен.

А с приездом соседей всё изменилось.

Его очередной загул восприняла в штыки. Устало выдохнула, что больше не желает продолжать смехотворную совместную жизнь, и попросила уйти.

Я навсегда запомнил кровавую стену в зале, о которую батя кулаки разбил, пока пытался докричаться до матери и заставить его выслушать. Она не ответила на вспышку, ровно отчеканив:

– Если хоть немного нас любишь – уйди. Дай жить, и сам живи... – Поставила в прихожей его сумку, куда запихала скудный отцовский гардероб, на который он никогда не обращал внимания, и добавила: – Остальное заберёшь потом, когда остынешь и обдумаешь мою просьбу.

Развернулась и скрылась в кабинете, где с утра до вечера корпела над очередным романом.

Отец ещё некоторое время горячился – мол, знал, в ком проблема, и знал, что с этим делать, а потом пригрозил: «Соседа вслед за женой отправлю на тот свет».

Я сидел в своей комнате на втором этаже и испуганно слушал ругань бати и его угрозы. Вздрагивал от каждого удара кулаков и ног, и вместе с ними каждое слово впечатывалось в мою голову. Я верил ему и его боли. Уже тогда понял, что кровно ненавижу всю семейку соседей, которая принесла столько горя моей семье!

Отец ушёл, громко лопнув дверь. Мама на удивление быстро пришла в себя. Уже на следующее утро улыбалась и была мила. И только незначительная фраза, брошенная как бы между прочим: «Иришке сейчас тяжело, взял бы над ней опеку. Знаю, ты хороший парень», – заставила утвердиться в мысли, что девчонке жизни не дам!

Я был в такой ярости, что чуть сам в стену кулаком не врезал. Семья рухнула, а мать о соседской девчонке волнуется?!

Ненависть перешла на новый уровень, и единственное, что спасало толстого Королька от смерти – она благо разумно не подходила ко мне и моей компании. Играла одна, в школе бродила затравленным птенцом.

Я не был уверен, что выдержу, осмелюсь толстуха на подобную глупость.

Она осмелилась! Робко, тихо, с надеждой во взгляде и мольбой в голосе. Невинный ягнёнок, чтоб её...

Вспыхнувшая злоба угасла быстро – слишком мелка и ничтожна жертва. Её раздавить – раз плюнуть. Не буду её уничтожать... пока. Рано! Пусть сил наберётся, а потом ужалю побольше!

Ей повезло, я был снисходителен. Друзья тоже.

Она убежала к себе, и с тех пор крайне редко попадалась на глаза.

Умная девчонка – пусть пока живёт!

Вроде я даже немного успокоился, но очередным ударом стала смерть отца. Глупая, безответственная и так громко кричащая о его горе и боли. Отец был пьян, как обычно после очередного боя.

Машина. Скорость. Травма головы во время боя, и ведь он отказался от медицинской помощи.

Специально... Он мечтал о смерти!

Врачи констатировали кровоизлияние в мозг.

Чёрт! Я ведь до последнего надеялся, что родители помирятся.

Обида, злость и негодование бурлили, но я не похож на отца! Уже тогда решил: забиваться в кокон отчаянья не буду. Мордобоями не займусь. Я другой. Умею веселиться, люблю общаться, держусь за друзей и умею дружить. Правда, сердце порядком очерствело, потому его точно никому не отдам на растерзание. Спорт выберу нейтральный, точно не кикбоксинг, но такой, чтобы адреналин скалил, а девчонки... пусть они из-за меня умирают, чем я из-за них!

К тому же, есть голова на плечах. Не глуп, сдержан, да и цену себе знаю!

ГЛАВА 2

(7 лет назад)

Ирина

Три года в школе, где тебя если не гнобят, то игнорируют, тянулись, как резина. Я не умираю от одиночества, но иногда хотелось стать, как все. Поэтому старательно шла к тому, чтобы слиться с серой массой. И, надо сказать, кое-чего добилась.

Неброская, похудевшая... Мне удалось. Как-то резко вытянулась, и теперь уже клички, которыми закидывали после прихода в школу, оскудели. А ведь ребята жестоки в мире подросткового цинизма, поэтому безжалостно клевали каждого, кто априори был слабее и беззащитнее их.

Так что теперь лишь некоторые особи, желающие выглядеть более значимо за чужой счёт, допекали меня, правда, их арсенал погонял сводился всего к одной: «Королёк».

Игнат. Парень меня практически не замечал, а если и достаивал вниманием, то либо одаривал брезгливо-презрительным взглядом, либо жалил словом.

– Хм, корольки вроде теплолюбивые птицы. Так что же ты, чудо деревенское, тут с нами зимуешь?! – Но так... как бы мимоходом, всем видом показывая, насколько равнодушен и плевать хотел, живу я на белом свете или нет. Хотя, догадывалась, что именно он и его друзья были виновниками всех обидных прозвищ, которыми меня щедро осыпали в школе. Да и сплетня, – мол, мой отец дочурку бросил на попечение бабки с дедом, а сам свою жизнь устраивал, скорее всего тоже исходило от Игната.

Вот только никто не хотел вникать, что случилось и почему так вышло. Папа не бросал. У него многомиллионные проекты, а отрывать меня от школы не хотел. На общем собрании семьи и было решено, что пока поживу с бабулей и дедулей, а отец по возможности будет на связи и приезжать. Как только прозвенит последний звонок, он меня заберёт.

Так и было – звонил, писал, навещал...

Вот только Игнат на это плевать хотел!

Я так и не могла понять, чем не угодила. Нет, не мечтала о нём, и уж тем более о его любви, но жутко пасовала, когда сталкивалась.

За что? Что такого сделала, что он так со мной? Лучше бы вообще не замечал, как многих других.

Хотя, может, дело бы в том, что посмела вторгнуться в его мир увлечений?

Химия и биология. Так уж получилось, что именно к этим предметам у меня особая тяга. Видимо, наследственное. Отец довольно успешный учёный в этой области. Его разработки

пользуются спросом, и многие проекты получают гранты и патенты. Я тоже мечтаю пойти по его стопам. И для этого делаю немало. Учусь, учусь, учусь...

Мне не до гулянок и не до парней уж тем более.

Так что это, должно быть, единственная причина, почему Игнат меня возненавидел. Ведь с моим появлением его значимость и награды на различных олимпиадах и конкурсах уменьшились. Уменьшились ровно настолько, насколько их стала завоёвывать я.

Вероятно, он был зол, что посмела вклиниться в его мир и нагло занять свою нишу.

В остальном была ему не соперник. Серая, незаметная, молчаливая одиночка.

А Игнат – популярный парень в школе. К своим пятнадцати заслужил славу умника-задиры даже среди старшеклассников. Уникум! В кои-то времена отличник был звездой школы? Вот! Обычно заучки – забытые ботаны, избегающие компаний, а Селивёрстов... был всегда в центре внимания, веселья не пропускал. Его знали педагоги и ученики. Спортсмен, один из главных интеллектуалов школы, кто не раз побеждал в олимпиадах и соревнованиях. При этом не уступал главным драчунам и повесам пальму первенства. Даже не знаю, когда успевал.

Человек не мог быть настолько совершенен... Но глядя на достижения Игната, сомневаться в обратном не приходилось. Он был хорош во всём, за что бы ни брался. Не удивительно, что девчонки пускали по нему слюни и не давали прохода.

Красив, популярен, талантлив, а что ещё – разборчив и жутко непостоянен. Да и куда... в его-то возрасте?!

Игнат был притягателен, коварен и опасен, как огонь, а девчата – точно бабочки, боящиеся опалиться, но которых всё же манит пламя – бросались на парня. И он не жалел ни сердец, ни репутации.

Я могла только порадоваться, что не испытывала к Селивёрстову нежных чувств, а то бы возненавидела этот мир сильнее, ведь подобное издевательство было выше моих сил.

В мои тринадцать один случай стал решающим моментом, определившим, чего хочу для души.

Прижав к груди журнал класса и стараясь не привлекать внимания, я спускалась по лестнице, направляясь в спортзал, где должен был проходить следующий урок.

Школа гудела, шумела и, конечно же, по ступеням туда-сюда носились ученики, которых нет-нет, да пытались остановить проходившие мимо педагоги. Но застопорить стадо беснующейся ребятни сложно, поэтому я спокойно шла, не обращая внимания на толкающихся мальчишек и девчонок. По сторонам не смотрела, да и зачем?! Мне бы добраться быстрее до кабинета, переодеться к уроку и мужественно отстоять сорок пять минут.

– О, смотрите. – Слышу голос одноклассника, чуть выше по лестнице. Я как раз миновала второй этаж, и уже, было, шагнула на ступень ниже. – Королёк летит!

Иду дальше, игнорируя выпады Гришки Рыжова.

– Слышь, убогость, журнал отдай! – угрожает парень.

Прибавила скорости, как вдруг меня дёрнуло так, будто встретила таран, и отлетела назад – парень, пытаясь остановить, ухватился за лямку рюкзака. Это было так неожиданно и резко, что не удержалась на ногах. Ткань треснула, а я, не устояв, ухнула, как дитя, задницей на пол. От боли скривилась. Подняла глаза и увидела, что Гришка лыбился во все тридцать два зуба.

Самое обидное, что этот гад мог бы меня подхватить, ну или смягчить позорное падение, но он не стал. Впрочем, как и его приятели: Серёга и Генка. Они дружно отступили и любовались, как я с размаху плюхнулась на пол.

– О, ты ещё на крыло не встала? – откровенно ржали одноклассники. – Тогда лучше в гнезде сидеть и не высовываться!

Было жутко больно, стыдно, а ещё обидно. У меня, растерявшейся, пытающейся прийти в себя, выдрали из рук журнал и бегом помчались по второму этажу. Они давно хотели до него добраться, чтобы, так сказать, «подправить» пару недоразумений по нескольким предметам.

Я проводила их глазами и тотчас наткнулась на холодный взгляд Игната и, насмешливые, его друзей. Парни явно видели, что случилось, и теперь не скрывали своего отношения к моему позору.

Я, скрипя зубами и мечтая провалиться сквозь землю, попыталась встать, но зад болел сильно, да и ногу, видимо, подвернула, поэтому уже в следующий миг опять скривилась и осела на пол.

Девчонки, которые были в компании Игната, сразу же захихикали.

– О, зад у Королька такой тяжёлый, что она его и поднять не может! – Это едко вставила Верка Линяева из восьмого класса, новая девушка Игната. Она с недавних пор на меня зуб точила из-за того, что физрук в школьную команду по волейболу записал и меня. Мол, подтянулась, рост хороший, а координация придёт со временем. Вот только не очень у меня выходило по мячику попадать.

Девчонки смелись, и никто не желал оказать помощь или поддержать. Верка была капитаном и очень хорошим игроком. Признаться, завидовала её грации, скорости, лёгкости и силе. У меня ничего не получалось, а она... Ясное дело, её раздражало, что такого нерадивого игрока придётся тянуть за собой. Она в раздевалке часто выговаривала другим, но явно для моих ушей, что лучше бы я удавилась собственноручно, чем на играх подвела её команду. Что таким ботанам место в лаборатории, и то в качестве подопытной крысы.

Её подружки-хвостики тотчас подхватили шутку и подло засмеялись:

– То-то на тренировке она и пяти сантиметров подпрыгнуть не может!

– С таким якорем трудно двигаться...

Я уже хотела сквозь землю провалиться. Краска жгла лицо.

– Игнат, – бросила Вера парню, который собирался уже отвернуться, – видел, Королёк новый манёвр отрабатывает – полёт задом!

– Ну, у неё он хотя бы есть, – сухо резюмировал Игнат, чем озадачил не только меня, но и своих друзей.

– Что? – возмутилась Верка. – Совсем одурел? У меня модельная фигура, ни грамма жира, идеальные формы! – Так как парень вскинул удивлённо брови, девчонка выплонула зло: – Латиноамериканские булки а-ля Дженнифер Лопес не в моде... Жуть такая...

– Это на любителя, – пожал плечами Игнат и скрылся в дверном проёме крыла второго этажа.

Верка проводила его выпученными глазами, и как только парня не стало видно, обернулась ко мне:

– Вставай, коза, – испепеляла взглядом, – и не дай бог на тренировке летать корольком не будешь, я тебе крылья вмиг обломаю...

– Это что за угрозы?! – раздался голос Виталия Семёновича, директора школы. Он поднялся с первого этажа и стал невольным свидетелем стычки.

Мужчина поднялся на наш проём и, окинув собравшуюся компанию взглядом, повторил:

– Что за угрозы? Это кто и кому собрался крылья обламывать?

– Да что вы, – сразу залепетала Верка с раскрасневшимся лицом, – это я так пытаюсь боевой дух нашего Королька поднять. А то у неё ни черта, тьфу ты, ничего не получается на тренировках. Мы уже и по-хорошему пробовали. А это новый метод, от обратного, – частила, хотя всем было понятно, что лгала, не моргнув глазом.

– Линяева, после уроков в кабинет директора, – отрезал Виталий Семёнович. Протянул мне руку, и только оказалась на ногах, добавил: – Королькова, пора бы тебе уже обрасти

шипамии, да научиться за себя стоять, а то ведь так трудно жить. Быть умной – замечательно, но в нашем мире этого маловато. Первым делом научись выживать!

– Ага, – устала в пол и нервно кивнула.

Уже в раздевалке выяснилось, что Гришку домой отпустили: у него синяк под глазом красовался. Парень отрицал, что подрался, сославшись на падение. Его приятели молчаливо стояли и тоже не выдали истинного происхождения фингала.

Девчата щебетали, что Гришка с кем-то из старшаков зацепился. Гонор у парня ого-ого, а вот силёнок ответить за свой язык маловато оказалось. При этом шушукались, да на меня поглядывали. Особенно недовольной была Верка.

Я жалела парня, даже несмотря на его поступок. Хотя, в глубине души немного радовалась – это кара за издёвки надо мной.

После уроков пришлось остаться на тренировку по волейболу, где опять столкнулась с Верой. Она одарила столь уничижающим взглядом, что я поняла – мне не жить. Вероятно, дело было в вызове к директору.

Уже в зале подстерегал новый удар – намечалась не тренировка, а дружеская встреча с командой по волейболу парней нашей школы. Как говорил физрук Андрей Викторович: «Никогда не помешает провести спарринг с тем, кто сильнее, чтобы видеть, к чему надо стремиться».

Это была игра в одни ворота. Прямое избиение, ведь парни владели мячом великолепно, и даже наставления тренера, что ребятам нападать можно лишь со второй линии, а правшам с первой, но только левой рукой, не спасло нашего положения.

По обычаю, я запинаясь. Не могла попасть по мячу, а он, как назло, меня находил, даже если стояла за пределами поляны или пыталась увернуться. Игнат был во всей красе, и словно специально бил в меня, да посильнее. Видимо, Верка пожаловалась, вот он и мстил.

А я... я слабое звено. Вот и пролетала партия за партией.

Пацаны откровенно скучали, развлекались обыгрыванием различных комбинаций и точечными попаданиями в Королька, где бы я ни была. Вера злилась и пыталась подтянуть команду, чтобы хоть пару раз дать соперникам отпор. Не тут-то было. Игроки сыпались друг за другом и не могли поднять ни одного мяча.

Я была хуже всех. После падения на лестнице и так лодыжка болела. Я молча терпела, но когда очередной удар Игната пришёлся мне в ляжку, и то, чуть отвернулась, чтобы избежать прямого попадания, аж нога отнялась, так было больно. Я упала навзничь, тихо взыв от злости, беспомощности и унижения. Парень не ржал, как остальные, но его холодный взгляд был красноречивее слов – он специально вымерял!

Тренер, наконец, сжалился надо мной и посадил на скамейку запасных. Пока, стиснув зубы, растирала ушибленное место, продумывала, что скажу Василию Петровичу, лишь бы он больше не мучил и позволил отказаться от секции. Самым веским и достоверным доводом была правда: я не могу играть, не моё это... Даже подготовилась к нападкам своей команды, к уничтожению капитаном, но на удивление, когда упрёки девчонок посыпались со всех сторон, за меня вступилась Ксения. Одноклассница. Красотка «от» и «до», номер два в команде.

– Что вы к ней пристали?! – подбоченилась Ксения. – Никто из вас лучше не смотрелся! Даже ты, Верка. Что смогла сделать? Пас давали. Так ты даже блок обвести не могла толком. Так что умолкли все! Лучше бы помогли Корольковой подтянуться. Позанимались бы с ней.

– Вот и занимайся, – кивнула Верка с издёвкой. – Не её это дело – по площадке бегать, да у сетки прыгать. Пусть лучше в лаборатории своей запрётся, да отравится каким-нибудь химикатом.

– А вот и позанимаюсь, – отрезала Ксения. – Она вам ещё покажет, как надо играть, правда, Ир? – перевела на меня вопрошающий взгляд. Но я и слова не могла произнести от

шока и удивления. К тому же, это было так редко, когда меня называли моим именем, без приставок и насмешек. – Что молчишь? – допытывалась Ксения, похлопав ресницами.

– Ага, – я нервно кивнула и облизнула губы.

– Пошли в зал! – скомандовала девушка. Я, как овца, которую ведут на убой, поплелась вон из раздевалки. – Викторovich обалдеет, увидев тебя на дополнительной тренировке, – тихо хохотнула Ксю, когда мы уже шли по коридору в направлении зала. – А завтра, если будет хорошая погода, мяч возьму, да к тебе домой загляну. Адрес главное напиши.

– Ага, – опять кинула я, всё ещё не веря услышанному.

Дополнительное время прошло гораздо эффективнее предыдущих нескольких месяцев обучения волейболу. Ксю терпеливо показывала правильные стойки при приёмах как сверху, так и снизу. Закатывала глаза, когда мои корявые пальцы не желали аккуратно обхватывать мяч, а втыкались в него. Отпускала пошленькие шуточки по поводу моего зада и ног, но без злости, за что я была на неё не в обиде. Заставляла делать странные передвижения по залу: то ёлочкой, то приставным, то спиной. Я послушно выполняла задания, и вскоре Ксения объявила, великодушно махнув на выход:

– На сегодня хватит. Я убедилась, что ты не потеряна для спорта. Главное – стараться, а стальным поменьше на тебя орать. Слушай, а что с ногой-то? Я поздно заметила, что ты прихрамываешь...

– Да, – неопределённо мотнула головой. – Упала... Немного побаливает.

– И ты терпишь всё это время? – изумилась Ксения. – Чокнутая! А вдруг вывих? Или, не дай бог, связки порваны или нога сломана?!

– Нет, только слегка побаливает. Терпимо, – принялась оправдываться я. – Лёд приложу, и всё пройдёт.

– Будем надеяться, – резюмировала Ксю. – Ладно, потопали. Домой уже охота.

Выходили мы тоже вдвоём. Ксения подождала, и впервые за три года я шла из школы не одна. О подруге даже не мечтала, и сейчас боялась взглянуть, вдруг очередная шутка, и Ксения сейчас рассмеётся, мол, что, поверила? Вот дура!.. Но девушка шагала рядом, болтала, словно мы с ней подруги, и сейчас как обычно идём вместе. Я плохо понимала суть разговора, потому что в основном это было о парнях, шмотках, косметике... Но чтобы не выглядеть невеждой, коротко кивала и иногда бросала в ответ односложную реплику.

На улице столкнулись с парнями из команды. Они, как оказалось, не очень спешили разойтись. Игнат с приятелями на скейтах уже гоняли по территории школы. У нас для этих развлечений была оборудована классная площадка, и поэтому я чуть не упала, засмотревшись, какие трюки выполняли пацаны.

– Э-э-э, – одёрнула Ксения. – Ты что? – как и я уставилась на ребят.

– Тоже так хочу, – тихо обронила я, намекая на катание на скейте.

– Ну, мать, этому обучить не могу. Я только в волейбол играю, но знаю ребят, которые могли бы тебе дать пару уроков. Если правда хочешь.

– Очень! – теперь уже рьяно кивнула.

– Хорошо, – повела плечом Ксения, и мы пошли дальше.

Уже на следующий день в школе девушка села рядом, хотя до сего момента я по обычаю была одна.

– Привет, ботан, – кинула она и легко плюхнулась на соседний стул.

– Привет, – выдавила я затравленно, чуть подвинув свои вещи и глядя с недоверием, как Ксю принялась доставать из рюкзака книгу, тетрадь и ручку.

Не я одна была в шоке – надо сказать, весь класс оторопел, когда увидел подобное! Но звонок на урок и голос учителя: «Доброе утро, класс!» – заставил отвести от нас взгляды.

А следом отворилась дверь, и на пороге застыл незнакомый парень. Очень высокий и мощный, точно шкаф. Какой-то мутант, но довольно интересный на вид.

– А-а-а, – протянула классный руководитель. – А вот и Леонид Спартаковский. Новый ученик нашего класса, – не теряя ни секунды, объявила Галина Игоревна. – Прошу любить и жаловать.

– Можно ни то, ни другое, – ровно пожал плечами парень. – Лишь бы мир был во всём мире. – С равнодушием окинув взглядом класс, прошёл и сел за парту прямо передо мной и Ксенией.

Полетели смешки, свист, шёпот. Мы с Ксю лишь переглянулись: вот и чудак в нашем классе.

– Вы моим глазам милее, – как бы мимоходом объявил нам и принялся готовиться к уроку. – Выживать должны самые красивые и лучшие! Вы красивы, я умён!

Обескураживающе...

Леонид? Спартаковский?.. Хм, не надо говорить, что у парня тотчас появилась кликуха «Спартак».

Ксю не обманула, и уже через неделю притащила меня на уличную площадку, где катались на скейтах. Познакомила с двумя парнями, которые были на год постарше, но очень общительными и весёлыми. Они сразу же взяли шефство надо мной и с усердием принялись обучать навыкам катания. Спасибо, не ржали над моей корявостью. Чуть подначивали, и только.

В остальном я была жутко благодарна Ксю, за что позволяла списывать домашку и помогала с контрольными и самостоятельными.

Дружба! Да, видимо, именно такие отношения и назывались дружбой!

Немногим позже Ксения как-то призналась с грустью в голосе:

– Дружба – стервоза ещё та! Изменчива, непостоянна, ветрена, лжива, когда шагает без взаимного уважения. А бывает искренней и доверительной, вот только достаётся тем, кто умеет держать нос по ветру. Тем, кто не боится нести груз ответственности за себя и других. Кто замечает щепку в своём глазу и умеет игнорировать брёвна в чужих. Мне всегда хотелось быть рядом с человеком, который стойко выносит удары судьбы и продолжает шагать в своём направлении, наплевав на других. Кто умеет прощать и избегает обижать. Так что не думай, что я просто так за тебя заступилась...

Я мало поняла запутанную речь, но она запомнилась своей глубиной.

С тех пор с тихой надеждой гордо называла себя подругой Ксении.

Уже к концу учебного года тренер по волейболу, довольный собой, резюмировал, что не ошибся на мой счёт, и теперь я стала не просто одним из игроков, а важным членом команды, на которого он мог бы положиться. И за это я тоже не преминула поблагодарить свою подругу. Ксения была на седьмом небе от счастья:

– Я же говорила! Раз плюнуть! Ты ещё порхать будешь, как птичка, Линяева удавится от зависти!

М-да, сплетни ходили, что Верка и Ксения дружили, но поссорились, и теперь были если не кровными врагами, то точно противниками. А после нашего с Ксю сближения яд красотики стал изощрённей, но мы не обращали на неё внимания, и девушка быстро успокоилась. Ну или, по крайней мере, перестала открыто с нами враждовать.

Но злиться продолжала: Линяева не ожидала, что смогу справиться с руками и ногами. Хотя, возможно, больше на общее настроение повлияло то, что её бросил Игнат. После разрыва девушка несколько дней даже прогуливала школу, а когда явилась, все догадались, что она провела это время в слезах, хоть и пыталась казаться спокойной.

Меня не волновала её судьба, мальчишки, разборки, вечеринки. Отныне меня грела мысль, что я не просто серость – помимо учёбы и в других сферах смогу добиться пусть незначительного, но успеха!

Когда нас награждали в конце учебного года, с гордостью шла между рядов к заветным грамотам в руках классного руководителя, которая распинаясь о моих заслугах, но когда возвращалась обратно, из всего зала лишь один взгляд пригвоздил к месту. Игната!

Парень пронзал недружелюбием. Было так неуютно под этим колючим взглядом, что даже запнулась. Словно я – его главный соперник, и сейчас обходила по всем статьям. А ещё прочитала угрозу и брошенный вызов, ведь Селивёрстов тоже получил много грамот и дипломов: по учёбе и спорту, за личные достижения и за активное участие в жизни школы. С ним могла сравниться по значимости и успеваемости только я... И я посмела это сделать!

Чёрт! Нужно срочно обрастать шипами, как и советовал директор. Иначе не дотяну до выпускного класса.

– Подруга, – шикнула Ксю, только я села на место. – Лучше не смотри на него так.

– На кого и как? – уточнила робко.

– На Селивёрстова, – отчеканила тихо Ксения. – Он раздавит тебя, и я не смогу помочь.

– Да я и не смотрю...

– Вот и не смотри, – с нажимом повторила подруга. – Катка Ленская тебе глаза выколет.

Они вроде встречаются!

– Вот пусть и встречаются, – мотнула я головой. – Мне сейчас о разработках думать надо, да и в спортклуб скоро.

Правда, когда все ребята торопились прочь из актового зала, директор уже у выхода нагнал и попросил зайти к нему в кабинет.

Я особо не волновалась, ведь знала, что нигде не косячила. Шла из-за интереса, и только.

В кабинете было довольно уютно – минимум мебели и максимум папок и документов.

Лунообразный стол, несколько стульев, на один из которых я и присела в ожидании разговора с директором.

Виталий Семёнович не торопился переходить к главному, а когда раздался стук, сердце пропустило удар. И не зря.

С разрешения директора дверь открылась, и на пороге застыл Игнат. Если меня и заметил, то даже глазом не моргнул:

– Вызывали? – поправил рюкзак на плече.

– Да, проходи, садись, Селивёрстов, – кивнул Виталий Семёнович, и теперь с улыбкой посмотрел на меня:

– Ирина, ты в этом году заняла на олимпиаде по химии второе место.

Сконфуженно покосилась на Игната, который уже вальяжно устроился на соседнем стуле, и с равнодушием подпер рукой подбородок, безразлично разглядывая убранство кабинета.

– Да, – непонимающе подтвердила то, что и так было известно.

– Молодец, мы всем преподавательским составом очень тобой гордимся. Как, впрочем, и твои родственники.

– А я тут причём? – не выдержал пустой болтологии Селивёрстов.

– А при том, – опять кивнул директор. – Ты победитель, и как все предыдущие годы, тебе положено приглашение на экскурсию. В этот раз – научно-технологическая фармацевтическая фирма «Полисан».

– Круто, – тихо улыбнулась я.

– И? – встряхнул головой Игнат.

– В том-то и дело, что победитель ты, а я бы хотел отдать приглашение Ирине, – сцепил кисти в замок на столе Виктор Семёнович, строго глядя на парня.

За долю секунды я воспарила до небес. Восторг, радость и... неловкость. Быстро опустилась на землю, только услышала:

– Это с какого перепугу? – возмутился сухо Игнат. – Я победил, значит, мне и ехать!

– Игнат, право твоё, – продолжал директор. – Но, во-первых, ты ни разу так и не посетил ни одного предприятия с прошлых раз. А во-вторых, Ирина – девушка, а дамам положено уступать.

– Это что, новые правила – пропаганда феминизма?

– Селивёрстов, – осуждающе протянул Виктор Семёнович, – признайся, что тебе не интересно. Почему бы не отдать приглашение тому, кто с радостью пойдёт?

Я нервно сглотнула и заёрзала на стуле. Опять покосилась на Игната.

Он, словно киллер, с первого выстрела убивающий свою жертву, пригвоздил меня к стулу взглядом. Морозным, пасмурным, уничижающим.

Даже мурашки по позвоночнику строем пронеслись. Сердце захлопотало так сильно, что от гулких ударов плохо стала понимать происходящее.

– Это кто решил, что мне не интересно? – перевёл взгляд на директора парень. – Я, может быть, всегда мечтал именно на этот, как его... фирму... эту съездить!

– Ты даже название не помнишь, – уличил Виктор Семёнович. – Это ведь неправда, ты не хочешь и, скорее всего, не поехал бы...

– И что с того? – насупился парень. – Не помню, чтобы чужие награды мне отдавали... – Нервно махнул рукой в мою сторону: – Королёк, между прочим, в двух последних олимпиадах по химии и биологии меня обошла на пару баллов.

– Не Королёк, а Ирина Королькова, – терпеливо поправил Виктор Семёнович. – И... это были промежуточные, внутришкольные олимпиады, а у тебя городская, – мягко настаивал.

– Какая разница?! – возмутился Игнат. – Тогда не ездил, а теперь прям мечтал, а вы... вы мне... мечту разрушили! – выплюнул с кривым смешком.

Всем в кабинете было понятно, что он выдумывал на ходу и совершенно бездарно отыгрывал роль обиженного.

– Даже не знаю, – выдал, откидываясь на спинку стула. – Стоит ли после этого жить? – вот теперь вообще вызвал снисходительную улыбку директора.

– Перестань паясничать, – отрезал беззлобно Виктор Семёнович. – Я с тобой как со взрослым говорю. Не иду в обход, а признаюсь, что собираюсь сделать. Ведь ты же понимаешь, что я мог бы и втихую, за твоей спиной решить этот вопрос.

– А чем лучше сейчас поступаете?! Вы мне в лоб говорите, что мою награду отдадите Корольку!

– Не Корольку, – поправил уже строго директор, нахмутив брови, – а Корольковой Ирине.

Признаться, уже порядком надоел разговор. Лыстило, что Виктор Семёнович радел за меня, но унижаться и упрашивать наглого парня совершенно не хотелось. Видно же, что упёрся, как баран.

– Виктор Семёнович, Игнат, – тихо вклинилась в перепалку. – Спасибо вам, – киваю директору. – Мне, правда, очень лестно, что вы так... пытаетесь, но не стоит. Селивёрстов прав. Он победил. Его и награда. А как он с ней поступит – его личное дело. В следующий раз я буду стараться лучше. Надеюсь, смогу победить.

На миг показалось, что Селивёрстов даже зубами скрипнул. Я метнула на него непонимающий взгляд. Игнат же, наоборот, меня упорно игнорировал – смотрел на директора, если вообще не сквозь него.

– Ир, вот ты очень хорошая девочка, – вступился Виктор Семёнович. Опять померещилось, что проскрежетали зубы. Затравленно покосилась. Селивёрстов, точно монумент, глядел вперёд, только желваки на скулах ходили вверх-вниз, резко натягивая кожу. – Так что прекрати

глупить, это тебе не к лицу, – строго, но вместе с тем по-отцовски тепло отрезал директор. – А ты, Игнат. Ну никак не ожидал, что будешь артачиться. Не по-мужски это.

На Селивёрстова не смотрела – жуть, как боялась, поэтому замерла, стиснув рюкзак, который давно покоился на коленках.

Директор несколько секунд молчал. Потом взял со стола небольшую карточку размером с открытку и протянул парню:

– Как видишь, пустует только именная строчка. Сам подпишешь, а ты, Ирина, подожди. Я сейчас, – подхватил телефон с края стола и, недолго изучая, приложил к уху.

В общем, в считанные минуты Виктор Семёнович решил вопрос с моим экскурсионным приглашением. На фирме пошли навстречу и пообещали в течение ближайших дней прислать ещё одно.

Надо ли говорить, что на экскурсию Игнат не явился...

На следующий год я победила и в городской олимпиаде, а ещё моя идея имела колоссальный успех на выставке, посвящённой элементарной химии.

Насмешки Игната стали более злыми и колючими, а его окружение считало себя обязанным постоянно зло подшучивать надо мной: то подножку поставить, то из раздевалки вещи утащить, да в коридор выбросить.

ГЛАВА 3

(5 лет назад)

Ирина

Ещё пару лет у меня ушло на то, чтобы научиться разным премудростям уличных видов спорта. Скейт, ролики, BMX, Фрирайд. Да, я вошла во вкус, и мне стало мало и тесно в рамках школы. Правда, обучение давалось с трудом и скрипом, особенно вначале, когда ломала тело и гнула против его воли. Слабое, неподготовленное к подобному роду деятельности, да и спортивностью оно не отличалось, но я была упряма и упёрта в желаниях и стремлениях.

Повезло, что однажды налетела в прямом смысле слова на тощего парня а-ля гота. Извинялась как могла, даже пообещала угостить хот-догом, что в парке продавался. Он меня проигнорировал, но через час подошёл и уточнил, где обещанный хот-дог.

Парня звали Виктор, погоняло Франкенштейн. Пока жевали горячие сосиски, попыталась выудить немного информации. Кто он, чем занимается, где учится...

Виктор показался странным, молчаливым, но что удивительно, я к нему тотчас прониклась симпатией. Уж очень меня напоминал, по крайней мере такой я была несколько лет назад – до общения с Ксенией и остальными ребятами.

Виктор учился в моей школе, но классом старше. Я его раньше никогда не видела, а после знакомства стала замечать одинокую фигуру, которая редко мелькала в коридорах.

Оказалось, в отличие от меня парень был ершистым и вспыльчивым, не позволяющим себя обижать и задирать. Так что при всей нескладной фигуре и статусе волка-одиночки, парень не раз был замечен в драках. Спуску задирам не давал, за что его и избегали.

Каким бы он ни был странным – как по мне, в разношёрстной компании друзей он пришёлся как раз в тему, хотя остальные ребята на него и поглядывали с недоумением, а меня частенько спрашивали, как я с ним общаюсь?

С Антошей и Анютой мы вместе работали в лаборатории школы. Со Спартаком вели беседы о жизни. С Ксенией играли в волейбол и болтали ни о чём, а с Франкенштейном я ощущала себя свободной – мы катались на скейтах, велосипедах, роликах.

Я не торопилась выходить в люди со своими познаниями и умениями, лишь тренировалась с упорностью олимпийца. Отец в те редкие звонки, когда удосуживался узнать, как у меня дела, взывал к разуму, утверждая, что я расходуя своё время впустую, ведь мой мозг – нечто

совершенно уникальное. Мне нужно углубляться в науки, а не тратиться в спорте. Лучше быть талантом в одном, чем посредственностью во многом.

Я понимала. Чётко осознавала, что несмотря на свои достижения, всё равно оставалась уверенным середнячком, но не отступала. При этом не хотела разочаровывать папу: самоотверженно грызла гранит науки, и вскоре отец умыл руки. Дочь не влюблена, а для него это было самое важное, как успела понять за несколько лет разлуки. Раз дочь успевала всё, значит, пусть так и будет. Даже помог, не скупясь на средства и позволив приобрести всё необходимое для занятий.

Учителя меня хвалили, но я ещё не была уверена в себе и, поэтому продолжала тайно оттачивать мастерство. Как бы то ни было, как ни скрывалась, слухи о моих увлечениях быстро поползли по школе. Ко мне даже несколько раз со смешками подходили разные личности, мол, это правда?

Не отрицала, но и не подтверждала, лишь плечами пожимала.

Так что мне в общем и целом повезло: я успела обзавестись несколькими верными друзьями.

Леонид Спартаковский – Спартак – как и я слыл странной личностью: глубокой, непознанной, но очень уважаемой всеми преподавателями. А ребята хоть и посмеивались над его мышлением и логикой, но признавали, что он умён и весьма силён. Леонид быстро вытянулся, и его природные данные поражали. Мальчишка походил на молодого парня лет двадцати, в его-то пятнадцать!

Спартак был многогранен, но, как и я, больше всего любил философию, биологию, литературу. Мы соперничали в познаниях, и вначале знакомства даже пару раз ругались, но вскоре признали талант друг друга и стали работать вместе над некоторыми внеклассными проектами.

Ксения Бравина была очень красивой девочкой, но не разделяла моего влечения к науке, акцентируя внимание на моде и парнях. Многие поражались, почему она дружила с таким природным недоразумением, как я. Но секрет был прост: я давала ей списывать, а она была за это благодарна, а ещё в отличие от других не лгала и общалась без злой насмешки и высокомерия, на равных. К тому же Ксю первой стала моим другом.

Болтушка и модница, она привносила много нового в мою жизнь, наполненную однотипными занятиями по разным предметам и спорту. Ходила за компанию, и восхищённо требовала выйти из подполья.

Я подозревала, что именно Ксения была главным разносчиком сплетен, но точно знала, что девушка не желала мне зла. Просто она по природе хвастлива и мечтала находиться в центре событий.

Антон Ярович – скромный ботан, который всегда был рядом, но никогда не лез в чужую жизнь с советами. С ним было весело и поучительно проводить разные опыты, единственное – он очень смущался, когда видел Ксению, и поэтому часто замыкался и сидел сиднем.

Я подозревала, что Тоха тайно влюблён в Ксю, но признаться в этом красавице не мог.

Ну и Аня Сежикова. Очень странная, но от этого не менее умная девочка. Крохотная, словно фарфоровая статуэтка. В очках и с вечным хвостиком на голове. Она была малоразговорчива. По сути, молчала всё время, но если вставляла редкие реплики, юмор пугал или ставил в тупик. Лучше всего её понимал Спартак. Два таких... инопланетных существа...

Она не ходила на школьные мероприятия, игнорировала внеклассные занятия кроме нашей химико-биологической группы. Как таковая, сама она ничего не открывала, но очень удачно могла добавить в уже имеющееся нечто ценное и действительно уместное. Так что она была прекрасным лабораторным сотрудником.

Игнат

Чем чаще я её видел, тем больше раздражался. Девчонка сильно изменилась. Правда, только внешне, а вела себя по-прежнему забитым Корольком. Её клевали школьные вороны, а она добродетельно всё сносила.

Малолетняя дура!

Никто не ценил теперь этих качеств. Мир другой. Жестокий, циничный, беспощадный. Поглощал всех, кто априори слабее, неприспособленной.

Ну, положим, не обычная дура, но злила меня страшно. Чёрт, не видеть бы её совсем!

Выскачка заезжая... До сих пор её не воспринимал, как местную. Не наша она, да и вообще не от мира сего!

Гадина, влезла уже во все сферы моих интересов, и ведь... добивалась успехов! Порой и меня затмевала результатами. Чтоб её...

Но мы совершенно разные. Я – как Моцарт: мне всё давалось легко, без лишнего зазубривания, а вот она – истинная Сальери: корпела, учила, учила, учила...

Умна... Безусловно. Да и внешне стала очень даже ничего такая, но, мля... она же соседка! Та самая девчонка, отец которой стал виновником разлада в моей семье и смерти бати!

Генетику не сломать. Она такая же дрянь, как и её папаша. Так же умело прикидывалась кроткой овечкой, а на деле – овца...

Меня не подкупали огромные, наивно распахнутые синие глаза, в которых плескались обида и непонимание. Наблюдая за девчонкой из тени, иногда ловил себя на том, что меня всё больше грела мысль через неё отомстить за потерю своего бати.

Боялся ли я обидеть её? Нет... Жизнь такая... безжалостная су***!

Я имел право на месть! Только я мог обижать, дразнить, пускать слухи об Ирке. Больше никто! Никакие Гришки, Димки, Егоры, Вани, Веры... Королёк – моя персональная жертва. Остальные вообще не смели к ней прикасаться, обижать или причинять боль. Для них она слишком хороша, чрезвычайно невинна, безмерно порядочна, невероятно чиста.

Нет, я не одержим. Для этого я отлично владею собой. И уж тем более не влюблён. Давно запретил сердцу даже мыслить о глупостях.

Силой брать не буду, с девчонками такое недопустимо, но порядком её изведу, унижу...

За мать, за батю, за меня... За нашу разрушенную семью!

ГЛАВА 4

(5 лет назад)

Ирина

– Мы должны сходить на эту вечеринку! – отрезала Ксения, насильно отобрав книгу, которую я читала. Она пришла в гости, и её не остановила моя занятость. Подруга сидела у меня уже несколько часов и копалась в телефоне, изредка кидая фразы, на которые я отзывалась однотипно.

– Ксюш, – взмолилась. – Я и вечеринки – разные оперы!

– А я и вечеринки – одна! И будет провальным, если моя роль останется не отыгранной! – настаивала подруга безапелляционно.

– Так я же не против, иди! Ты красивая, блестяешь! – я попыталась вернуть книгу, но Ксения ловко перехватила том другой рукой и подняла над головой:

– Э, нет! Я поймала три флаера на вечеринку, и ты пойдёшь со мной! – настаивала Ксюша.

– Да что мне там делать? – недоумевала я.

– Это не просто гулянка, – подмигнула Ксюша. – Лето, жаркий вечер, а может, и ночь, – промурчала подруга. – Мальчишки, уличные развлечения, бассейн.

– Ты что? – округлила глаза я. – Нам всего пятнадцать! Какой бассейн вечером? И уж тем более ночью?

– Не будь занудной ботаничкой! – рыкнула Ксения. – Мы молодые девчонки! Нам нужно внимание... – Покосилась на меня и поправилась, закатив глаза: – Ну, или мне нужно внимание. А там будет столько народу...

– Нет, – мотнула головой я. – Мне не до вечеринок. Тем более, где «столько народу», – передразнила Ксению.

– Ботан! – подруга упёрла в меня вызывающий взгляд, явно стараясь задеть за живое. – Там будут уличные развлечения и главная элита! Показательные выступления! Ты прикинь, как круто?! Да и тебе бы пора себя показать...

Я на миг замаялась. Игнат был в этой самой пресловутой элите. Ксения догадывалась о том, что я к нему равнодушна, вот только не знала, насколько глубоко и какие именно это чувства.

Это была отнюдь не любовь!

Я люто ненавидела Игната за всё, что он мне делал. Да, я оказалась злопамятна, и у меня имелся пунктик по поводу парня. Если могла в чём-то его превзойти, была просто обязана это сделать. Селивёрстов, между прочим, тоже не гнушался мне по носу хлопнуть, что доказала последняя олимпиада по биологии. Зато я смогла стать самым полезным игроком в команде по волейболу, о чём, конечно же, сразу раструбили на всю школу.

– Мне нужно подумать, – снова мотнула головой, и пока подруга смотрела с открытым ртом, выхватила книгу и опять погрузилась в чтение.

Полностью отдаться во власть познаний Ксения не дала – ещё с час жужжала над ухом о надобности пойти. Шептала, какая крутая будет вечеринка и сколько там соберётся народу. Наускивала утереть носы всем местным задавакам. Мечтательно мурчала о том, что сможет покорить сердце Артёма, одного из приятелей Игната. Эдакого мажорчика, точнее, сына довольно обеспеченных родителей, который, между прочим, и устраивал вечеринку. Заурин это часто делал, ведь мама и папа ему позволяли почти всё, что желал.

Ксю давно грезил парнем, а вернее его наследством и перспективами. Я слушала подобные бредни краем уха, ведь подруга не была меркантильной и корыстной, да и видела я настоящую Ксению, а не ту избалованную девицу, которую она из себя строила.

При всей видимой испорченности, Ксения была доброй и отзывчивой, а подобные качества вряд ли могли ужиться с корыстью и меркантильностью. Ещё она упорно строила из себя пустоголовую красотку, но на деле хоть и не блистала знаниями в науках, была вполне увлечённой особой и показывала незаурядный творческий талант, когда в школе проходили разные мероприятия и конкурсы.

Распрощались мы поздно. Когда Ксения заторопилась домой, прежде взяла с меня клятву, что я подумаю о вечеринке и в скором времени дам ответ.

Сомневалась я до последнего, ведь была затворницей и совершенно не знала, о чём говорить на таких мероприятиях. Правда, жутко хотелось посмотреть выступления скейтеров, катающихся на роликах, велосипедах. Элита...

К тому же одеться надо было как-то к месту. Можно, конечно, спросить совета у подруги...

Решающим моментом стало, что однажды я оказалась невольной свидетельницей разговора Игната и его приятеля Славки. Они не видели меня и во время обеда болтали в столовой. Не собиралась ни сидеть рядом, почти спиной к спине (меня прикрывала стена арки, разделяющая столовую на два зала), ни уж тем более подслушивать, но когда сердечко пропустило удар, только заслышав голос Игната – обратилась в слух против воли.

– Ну, – с грустью буркнул Селивёрстов, – может, на вечеринке развлечёмся... Там много девчат будет нормальных. Покуролесим, покатаемся, встряхнёмся!

– Ага, – жарко поддакнул Славка. – Только надоело созерцать наших девок в джинсах и футболках. Буду надеяться, что хоть одна в платье придёт, да покрашенная, – прозвучало мечтательно.

– Спорим, не придёт? – бросил с вызовом Игнат. В голосе была масса самодовольства и зазнайства.

– Спорим! – тотчас подхватил Славка. – На желание!

– Ок, – ухмыльнулся Игнат. – Но без извращений и нарушения закона!

– Конеш! – гыкнул Слава. Было слышно, как они закрепили спор и разбили руки.

– Там басек у Артёма, – напомнил тихо Игнат. – Ни одна не придёт в платье и покрашенная. Она сразу же жертвой окажется! Максимум юбка, а она не считается!

– Ну, не все же в воду полезут, – задумчиво протянул Слава. – Да к тому же не поверю, что ни одна не захочет выделиться!

– Это вечеринка, где собираются скейтеры, роллеры... Это не конкурс красоты! – сухо добавил Игнат.

Чтобы не оказаться замеченной – я всегда избегала Селивёрстова и его друзей – так и не доев, покинула столовку.

Слова мальчишек засели в голове, и поэтому, покрутившись перед зеркалом, распахнула шкаф, чтобы устроить ревизию.

Игнат и Славка правы: в гардеробе джинсы, футболки, широкие майки, рубашки, спортивные брюки. Из парадного лишь несколько вариантов школьной формы. Нет, это категорически не подходило для вечеринки. О, да! Я решила во что бы то ни стало помочь Славке выиграть спор!

Попросив помощи у Ксюши и заручившись наличными от родственников, которые никогда не отказывали в мелочах, (ведь внучка не творила глупостей, училась на «отлично», да к тому же принимала участие во многих внеклассных мероприятиях), с подружкой отправилась по магазинам.

– А так рада, – потирала руки Ксения. – Наконец тебя переоденем!

– Эй, ты не слишком переусердствуй, – одёрнула подругу. – Мне что-то на вечеринку, и только!

– Модные шортики и рваные колготки? – навскидку сообщила Ксения.

– Не уверена, – сглотнула я. – Начинаю сомневаться в твоей адекватности.

– Не глупи, – отрезала Ксю. – Кто из нас разбирается в моде?

– Ты, – осторожно согласилась я. – Но я буду себя ощущать не в своей тарелке, и это будет плохо...

– Ты во всём кроме спортивного себя будешь так ощущать, – убеждала Ксения. – Это твой постоянный прикид. Так что не умничай. Я тебя одену!

– Хорошо, – встряхнула головой я. – Только у меня пожелание. Давай платье поищем.

– Платье? – теперь уже изумилась подруга.

– А что, – тотчас засмушалась я, – думаешь, я толстая и мне не пойдёт? – Комплекс полноты не миновал, хотя теперь всё чаще бабушка и дедушка горестно вздыхали, что внученька совсем отошала. Одни кости остались. – Толстая? – опешила Ксения. – Да ещё чуть-чуть, и у тебя анорексия будет, – горячо заверила, словно комплимент сделала.

Я даже запнулась, еле поспевая за шагом Ксении, которая была неудержима в походе за покупками. Метнула взгляд на зеркальную витрину ближайшего магазина и неуверенно возразила:

– А мне кажется, что вполне ничего такая... упитанная.

– Очень упитанная, – закатила глаза Ксения. – Пошли, упитанная. Я, конечно, в шоке – ты и платье! Но что-нибудь придумаю.

Подбор наряда для вечеринки оказался утомительным занятием. Сотню раз зареклась ходить по магазинам с Ксенией, которая придиралась ко всему, что выбирала я, а сама рекомендовала такое, что я бы ни в жизнь не надела.

Когда Ксю меня вымотала настолько, что даже самая изнурительная тренировка казалась лёгкой прогулкой, я уже практически не глядя согласилась на то, что предложила подруга. В конце концов, она лучше знала, что сейчас было в моде. Ей нужно доверять...

Уже дома, под пристальным надзором Ксении облачилась и, посмотрев в зеркало, в очередной раз засомневалась:

– Ксень, что-то мне прям не по себе... – попыталась воззвать к разуму. Натянула чуть ниже подол свободного платья выше колен.

– Не глупи, – отмахнулась подруга. – Выглядишь отпадно!

– Да мне не надо отпадно. Нужно так, чтобы не совсем выделяться, но при этом...

– Выделиться! – довольно констатировала Ксения. – Сейчас тебе макияж забацию, и будешь – пальчики оближешь! – Подруга как раз заканчивала собственный мейкап. Покрутилась перед зеркалом с явным самолюбованием. Поправила локоны, которые и без того лежали идеально. Послала себе воздушный поцелуй и, уперев руки в бока, повернулась:

– Ну, что? Готова к смене имиджа?

– Не совсем, – пробормотала я и даже чуть отступила. – А можно просто аккуратную причёску и блеск для губ?

– Вечеринка! – напомнила с нажимом Ксения, выпучив глаза. – Много народу! Это недопустимо!

– Ладно, – кивнула я обречённо.

Собственное отражение приятно удивило и напугало одновременно. Пятнадцать?! Сейчас я выглядела на все семнадцать, а то и восемнадцать, и была совершенно... не незаметной.

Ксения права – словно кинозвезда-подросток.

– А кого ты пригласила третьим?

– Спартака, – скривилась Ксю. – Подумала, если меня посетит удача и я закручу с Артёмом, то тебе будет нужна компания...

– И Лёня согласился? – поразила я.

– Он выдал целую речь о бессмысленности данных мероприятий. Статистику, чем заканчиваются подобные вечеринки. Перечислил сотню, если не больше, запрещённых веществ, коими, вероятно, будут баловаться ребята, а потом сказал, что кто-то обязан нас защитить от вредного влияния современной молодёжи, – выпалила Ксения, явно цитируя услышанное от друга. – И не позволить разврату и наркотикам сбить с пути истинного.

– Это в его духе, – согласилась я с улыбкой, вновь посмотрев на себя в зеркало.

Бабушка и дедушка некоторое время с сомнением разглядывали меня и подругу, а потом уточнили:

– Вы уверены, что вечеринка будет тихой?

– Планируются танцы, – вместо меня вклинилась в разговор Ксения, которая умела уболтать и смерть. – Небольшая игровая программа, лёгкий перекус... Обещаем, никакого алкоголя, сигарет и наркотиков, – жестом отрезала, да так, что бедные родственники остались с открытыми ртами сидеть. – Я её верну к одиннадцати, – заверила горячо в финале.

– Нет, – успела выпалить бабушка, уже крича вслед. – В десять, не позже! И скиньте адрес, где вечеринка, чтобы мы могли...

Ксения за руку уже тащила меня прочь от дома, а за воротами побудила перейти на лёгкий бег, при этом смеясь, ведь ситуация получилась комичной, но уже возле соседнего забора вновь зашагали.

– Не стоит нам нестись. Запаримся, и весь мейкап на нет сойдёт, да и внешний вид испортится, – резюмировала Ксения. Подхватила меня под руку и, болтая о какой-то ерунде, повела

дальше. Я даже успела мысленно её поблагодарить за то, что не заставила каблуки надеть – модные в этом сезоне конверсы идеально дополняли наряд.

Спартак ждал, прислонившись спиной к высокому металлическому забору дома главы посёлка, аккуратно через пролёт от коттеджа Зазурова. Окинул обеих скупающим взглядом и даже ничего не сказал по поводу моего вида.

– Ну, – потребовала реакции Ксения. – Как тебе наша Золушка?

– Какая? – озадачился Спартак.

– Иришка, – терпеливо пояснила подруга.

– А почему без сажи на лице? – тупил по обычаю Спартак.

– Какая сажа?! – негодовала Ксения. – Посмотри, как она преобразилась перед балом!

– Вроде с ней всё, как обычно, – недопонял парень. – Ноги, руки, голова... Глаза на месте, нос тоже... губы... – он явно не придурился, поэтому Ксю не выдержала:

– Блин, Спартак! Она в платье! И накрашена!

– Да? – нахмурился приятель, вглядываясь в моё лицо. – Ну, тогда нормально.

Ксения от бессилия руки опустила, а глаза закатила. Я лишь улыбнулась:

– Видишь, – похлопала подругу по плечу. – Я нормальная! Спасибо!

ГЛАВА 5

(5 лет назад)

Ирина

На вечеринку прибыли, когда в частном доме Артёма уже гудело, точно в осином улье. Хотя, это даже не дом, а скорее коттедж, с полноценными двумя этажами и площадью более 300 кв. метров, не говоря уже о роскошной придомовой территории.

Подростки шныряли везде и всюду. Смех, гул, гам, музыка... Вечеринка была на американский манер, что, впрочем, Артём и его семья могли себе позволить.

Я запнулась на пороге.

– Ксень, – одёрнула подругу, стараясь привлечь внимание, так закона уже вся обратилась в зрение, выискивая свою мишень.

– А? – отозвалась отстранённо Ксю.

– А где флаеры и почему их никто не спросил?

– Уже неважно, – отмахнулась Ксения, прикусив губу.

– А куда Спартак делся? – не унималась я, только сейчас поняв, что друга нет.

– Пошёл проверять наличие запрещённых веществ в напитках и закусках, – брякнула Ксения уже с коварной улыбкой, глядя мимо, но явно на того, кого искала.

– Ты меня не бросишь вот так, – шикнула я в панике и вцепилась в руку подруги.

– Расслабься и получай удовольствие, – подмигнула Ксения и юркнула в гурьбу танцующих ребят.

Я беспомощно проводила подругу взглядом, а когда заметила толпу, к которой приближалась Ксения, совсем перестала дышать.

Эта группа выделялась из общей массы. Самые крутые и популярные, среди которых был Игнат, Артём, Славик, Ромка и ещё пару ребят более старшего возраста. Их пацаний коллектив разбавляли пять девчонок. Лучшие подружки, неизменные спутницы и главные модницы школы.

Да и вообще тусовка собралась разномастная и разновозрастная – и старшие, и мои одноклассники...

Я глазами прогуливалась по огромнейшей зале богатого дома, по знакомым и незнакомым лицам, пока не наткнулась на Игната. Парень так зло испепелял меня взглядом, что я не нашла ничего более дельного, как скрыться из виду.

Признаться, меня посещала умная мысль по-тихому уйти, но это как-то показалось низко и трусливо. Нельзя же всю жизнь скрываться и убегать! Поэтому я набралась храбрости и пошла на поиски друга.

Спартака обнаружила в соседней комнате, возле стола с напитками и закусками. Он со знанием дела дегустировал лимонады, коктейли, канапе, бутерброды и прочую еду.

– Ты почему меня бросил? – вознегодовала, коснувшись плеча Лёни.

– Вы были на охоте, – пояснил заплетающимся языком Спартак. – Я не хотел мешать!

– Какая охота? – проморгалась я. – Я сюда из-за Ксении пошла, а она меня... как и ты... бросила!

– У меня тут свой интерес, – вскинул палец Спартак, блуждая помутневшим взглядом по комнате.

– Я заметила, – возмутилась, – выпить всё спиртное и съесть всё съестное!

– А вот и неверно! – отрезал пьяно Лёня. – Я статистику проверяю. Хочу статью опровержения написать.

– Боже... – выдавила я и беспомощно обернулась. – Вы меня под монастырь подведёте!

– Если только мужской, – брякнул Спартак и глотнул газировки из разового стаканчика. Какое-то время мне удавалось быть незаметной и избегать Игната.

Я посидела на диване в уединении, пока его не облюбовала парочка, смущая поцелуями и тисканьем.

И во дворе в тенике постояла возле дерева – посмотрела на уличные развлечения молодёжи. Ксения не обманула: ребята, и правда, устраивали показательные выступления в разных видах уличного спорта, от скейта и роликов до паркура и трюков на великах. Руки и ноги так и чесались, хотелось присоединиться, ведь подобные виды спорта уже въелись в кровь, и оставаться простым наблюдателем было крайне сложно. Но я удержалась.

На второй этаж огромного коттеджа не рискнула заглянуть – прекрасно понимала, на что могла напороться, поэтому благоразумно держалась первого этажа и придомовой территории.

Заскучав, прошлась по саду, где наткнулась на совершенно разбитную пару, которая решила предаться любви прямо в беседке. Оттуда поспешно ретировалась, а когда вновь удалось найти Спартака, он в очень приподнятом настроении развлекал толпу ребят на улице у бассейна. Спорил, что спокойно поиграет в бутылочку, если она начнётся.

– Да и вообще, я уже записался на конкурсы, – кивнул парень с таким деловым видом, что я ужаснулась, что ещё успел натворить друг.

– О-о-о, – взмахнул руками Леонид, завидев меня. – Иди сюда, мой родной Королёк, – продрался сквозь толпу и крепко обнял, совершенно не рассчитав свою силу и мою хрупкость.

– Пусти, – пискнула, едва не потеряв сознание. – Дышать не могу!

Спартак разжал руки под дружный гогот ребят, наблюдавших данную сцену.

– Ну, что, – раздался голос Артёма, который вышел из-за угла дома в обнимку со Светлой Яковлевой, которая училась на класс младше его. Я даже дышать перестала от удивления – куда же тогда делась Ксения?! Следом показался Славка со своей подругой Лизой. Игнат с Катей. Они не встречались, но сейчас выглядели парой. – Вы готовы к игре на выживание? – Музыка, до сего момента звучавшая на улице, стала едва слышным фоном – ди-джей, один из ребят, очень быстро среагировал на ситуацию. Его пульт был устроен под навесом, напоминавшим небольшую сцену.

– Да! – завопил народ и начал стекаться к бассейну.

– Узнаем, кто слаб духом? – повысил голос Артём, остановившись возле пульта ди-джея.

– Да! – взревела толпа.

– Узнаем, кто ещё не готов к взрослой жизни? – умеючи подогревал интерес к игре Артём.

– Да!! – гроыхнул народ.

– Узнаем, кто в этом году «Звезда»? – накал страстей был на пределе.

– Да!!! – взорвалась толпа от экстаза.

– А кто «лузер»?

– Да!!! – вторил народ.

– И-и-и-игра начинается! – триумфально вскинул руки Артём, и улица наполнилась шквалом криков, свиста и аплодисментов.

Мне стало не по себе, что даже втянула голову в плечи. Было дикое желание уйти, но тут Артём продолжил:

– В этот раз заявок было настолько много, что мы решили устроить рулетку. Компьютерная программа сама определит, кто, с кем и когда. Каждому игроку на телефон непосредственно перед началом тура придёт смс, которая известит о том, что он участник данной игры, а мне – общий список участников тура, чтобы я знал, кто должен быть, чтобы контролировать и обличать мошенников.

В этот самый момент мой телефон завибрировал. Даже мысли не допускала, что это программа. Была уверена, что родственники волнуются, но когда увидела: «Вы в игре!» – метнула полный ужаса взгляд на Леонида.

Спартак! Этот гад стоял и пьяно ухмылялся во все свои... тысячу акульих зубов!

– Сюрприз! – развёл руками с таким видом, будто одарил по-королевски, и я обязана прыгать от счастья. А я хоть и не ругалась матом вслух, но сейчас про себя материлась. как сапожник!

Чтобы не опуститься до уровня ниже некуда, лихорадочно обвела народ глазами, не увидел ли кто моего недоумения и ужаса, но, к счастью, все были заняты – либо свои мобильники рассматривали, либо соседей обличали.

То тут, то там пиликали телефоны, а когда Артём занялся изучением своего навороченного айфона, сердце совсем остановилось. Он с улыбкой просмотрел информацию и с удовлетворённым видом кивнул:

– Круто! Очень занятный получился список. Для вас сюрприз, а я... – хохотнул парень, – уже знаю, кому улыбнулась удача.

Было шагнула ко входу в дом, чтобы незаметно улизнуть с вечеринки, как следующие слова Артёма остановили:

– Я буду отслеживать присутствие участников и, конечно, следить за выполнением заданий. Если кто-то нарушит условия – будет прилюдный суд!

– Суд! Суд! Суд! – скандировала толпа ребят.

Вот уж не надо! По коже пронеслись щекотливые мурашки, и я застыла, не в силах бежать.

– Уже завтра на «доске почёта», – распинался с самодовольным видом хозяин вечеринки, – на всех моих страницах соцсетей я вывешу результаты и подробные фото— и видеоотчёт: кто накосячил, кто халтурил, кто провинился, кто выделился, кто опозорился, кто победил, кто получил звания...

– Да! – радовалась толпа.

– Трусам тут делать нечего! – словно лозунг провозгласил Артём.

– Да! – разрывался от счастья народ.

– Какое у нас главное правило? – парень приложил ладонь к уху, как делали эстрадные артисты, желая услышать зрителей.

– Веселье по полной! – отозвалась дружно толпа.

– Мы за что? – допытывался он.

– За веселье по полной! – хором отчеканил народ.

– Мы против чего? – не унимался Артём.

– Скуки и серости! – продолжали отвечать ребята.

– Мы будем что?

– Отрываться по полной! – гроыхнула толпа.

Каждая фраза дружным битом вколачивалась в мою голову и заставляла вздрагивать.

– Итак, – вновь заголосил Артём, – условия! Обещаю, что не будет ничего порнографического и уголовно наказуемого. Всё в пределах разумного и выполнимого с точки зрения законности и нравственности, – улыбнулся проказливо. – Никакого траха, убийств, самоубийств, насилия, воровства...

Толпа смеялась, шутила, а моя душа билась в безотчётном страхе и панике.

Лёня по-дружески водрузил руки на мои плечи, едва не придавив весом, и прошептал:

– Пора бы тебе расправить крылья, Королёк!

– Спартак, я тебе отомщу, если выберусь из переделки, – процедила сквозь зубы и попыталась скинуть с себя тяжесть. Вышло криво, ведь приятель совершенно не понимал моей обиды и негодования. Он принимал всё за шутку, да и вообще странно себя вёл.

Уже заметно темнело, но летний вечер был удивительно тёплым и безветренным, хотя меня жутко трясло. Уже понимала, на что меня обрёл Спартак, да и он сам, когда протрезвеет, будет извиняться, но...это будет потом, а что делать сейчас?

– Вечеринка продолжается, – вещал Артём. – Но мы будем ждать первых игроков, которых скоро определит компьютер. Их задание я объявлю, как только получу сообщение. – И... да здравствует игра!

– Иг-ра! – вопила радостно толпа. – Иг-ра! – скандировала дружно.

Я нервно сглотнула. Вечеринка плавно закрутилась, и вроде никто не вспоминал о том, что было возле бассейна. Вот только я не находила себе места. Как избежать того, что должно случиться? Кому объяснить, что не желаю участвовать? Какое могут принять оправдание? Кто в силах помочь?

«Ксения!» – осенила мысль, и я хаотично принялась рассматривать толпу, выискивая подругу.

Металась от зала к залу, от комнаты к комнате, но нигде не находила подруги. А когда потеряно брела по едва освещённому коридору второго этажа, очнулась от переживаний, лишь услышав:

– Королёк, ты какого хрена на вечеринке делаешь? – зло процедил сквозь зубы Игнат, так недобро глядя, что по коже тотчас пробежали мурашки. Сердце ёкнуло, а душа ушла в пятки.

– Я... – невнятно промямлила, шагнув в сторону, стараясь избежать близости с парнем, который преградил путь.

– Ты! – рыкнул сосед, сузил глаза и шагнул в ту же сторону, отрезая дорогу для побега. – Малолетке нечего делать на подобной вечеринке!

– Я тут не единственная малолетка, – прозвучало жалким оправданием. Вновь попыталась юркнуть мимо парня.

– Ботаничка-малолетка – единственная, – отрезал Игнат, снова преградив проём. Подступил ближе, пригвоздив к стене.

Инстинктивно сжалась, лихорадочно соображая, что делать.

– Насколько помнится, ты тоже ботан, ведь и сам на «отлично» тянешь все предметы и даже физмат, – ляпнула зачем-то.

– Мне семнадцать! – отчеканил парень, с хлопком водрузив ладони по обе стороны от моей головы, поймав в плен. – И я, в отличие от тебя, хочу разрушить стереотипы, что невозможно совмещать настолько разные увлечения и везде добиться успеха!

Открыла рот, чтобы согласиться с его позицией, но голос Славика заткнул:

– О, – хохотнул внезапно появившийся из-за угла парень. – Игнат поймал Королька! И заметь, приятель, – жестом «я умываю руки», обошёл со стороны, – я ни на что не намекаю, но по-моему, ты мне должен желание!..

– Что? – бросил через плечо Игнат.

– Желание, – пропел с издёвкой Славик. – Я пока подумаю, чего бы такого хотел, – шепнул загадочно, и мазнул рукой по носу, словно тот чесался.

Болтовню парней прервал громкий голос Артёма:

– Итак, игра начинается!

Я аж вздрогнула.

– Вали отсюда, Королёк, – шикнул недобро Игнат, вновь вперив холодный взгляд серых глаз.

Я и так дышала через раз, а сердце вообще забывало, что надо биться.

– Не могу, – прикусила губу.

Игнат сощурился, скользнув взглядом по моему рту:

– Ножки не ходят? – уточнил с издёвкой. – Так улетай, – криво усмехнулся.

– Я в игре, – промямлила, опустив глаза, на которые предательски набежали слёзы. И тотчас вздрогнула, когда кулаки парня ударились в стену.

– Дура! – рыкнул Игнат и стремительно пошагал прочь. Славка загоготал, но уже в следующую секунду поспешил за приятелем.

ГЛАВА 6

(5 лет назад)

Ирина

Я несколько секунд постояла в коридоре, вслушиваясь в голоса толпы. Утёрла навернувшиеся слёзы, поздно вспомнив о туши и прочей косметике, которую добросовестно накладывала на моё лицо подруга. Торопливо нашла зеркальную поверхность. Как могла, подправила мэйкап.

Тем временем Артём объяснял условия компьютерной рулетки.

– Это не простая рулетка, – привносил интригу. – Тут разыгрываются не только поцелуи, но и разные задания, в которых они значатся. Состав пары программа выбирает каждый раз новый, чтобы было разнообразно и путано. Если кто-то отказывается выполнить задание – выбывает, и да здравствует доска почёта на моей странице! Если пара выполняет задание позже других – выбывает, и да здравствует доска почёта! Но если участник умудрится за время прохождения задания завоевать симпатию зрителей, – чуть понизил голос Артём, и толпа счастливо загудела, – то они могут спастись от позора и доски почёта.

Я судорожно всхлипнула. В таких играх, как правило, побеждали парни, ведь им проще и раздеться, и станцевать, и самое немыслимое выполнить. Ну и, конечно, популярность играла не последнюю роль.

Обидно. Ни одно, ни другое в моём случае не грозило.

Сделала несколько шагов к входной двери, хотя скорее интуитивно, чем осознанно – просто задумалась и действовала на автомате. Первый инстинктивный порыв был, конечно же, спастись бегством. Я не представляла себя участником нешуточной игры, к тому же Игнат дал понять, что зол, и чёрт его знает, что можно от него ожидать!

– Ты куда? – послышался голос Ксении, непонятно откуда появившейся.

– Ксю! – не то взвыла, не то шикнула я. – Змея ты, а не подруга, – выпалила, проскрежетав зубами. – Бросила, а Спартак меня в игру втянул!

– Да ты что? – выпучила глаза Ксения. – Во молодец! – тотчас добавила с восхищением, чем озадачила.

– Ты хоть понимаешь, что вы наделали?! – негодовала я, но тотчас заткнулась, вслушиваясь в слова Артёма.

– А вот и интрига, – возвестил парень. – На первом задании имя своего партнёра каждый участник получит в смс, непосредственно перед выполнением, а само задание заключается в том, чтобы правильно определить свою пару и быстрее других выпить с ней или с ним на брудершафт! Ах, да, начало конкурса озвучат куранты, как в новогоднюю ночь. Поэтому за

двенадцать ударов участники обязаны написать желание – бумажки и ручки на столе, – пояснил Артём. – Так как огонь запрещён, сами понимаете почему, участникам придётся съесть бумажки с желанием, а потом запить шампанским, налитым в фужеры. Бокалы уже приготовлены. Сложность в том, что игроки могут не знать друг друга. – Толпа довольно загулила. – Теперь все на улицу! К бассейну, где и будет проходить веселье! – скомандовал хозяин праздника, и гости взволнованно поспешили прочь из дома.

Опоздать на тур конкурса не хотелось – я не собиралась сдаваться в первых рядах, поэтому в компании подруги заторопилась в главный зал, где уже кишел народ.

– Ого, как интересненько, – потирала руки Ксения. – Ты в игре! Вот так интрига!

– Это не интрига, а подстава, – процедила я. – Я вам это ещё припомню, – пригрозила тихо.

Уже на улице от общего потока стали отделяться парни и девушки, которые, улыбаясь, шагали к столу с напитками, где стоял заготовленный поднос с фужерами.

Как бы то ни было, сбегать не стану! Хоть и совершенно не желала участвовать в фарсе, но сдаваться не в моём характере. К тому же очень хотелось утереть нос некоторым особям, да и вообще сделать что-то такое, чтобы Игнат опешил и его мнение обо мне изменилось. Малолетка –ботаничка... Королёк!

В этот самый момент на телефон пришла смс: «В игре!».

– Я так понимаю, – прошептала больше для себя, чем для подруги, – мне пора.

– Буду за тебя кулачки держать и болеть. Горло сорву, – клятвенно заверила Ксения.

Я даже не посмотрела в её сторону. Да и зачем? Сейчас слишком кипело внутри. Могла и лишнего наговорить.

От обиды аж губы задрожали, зато ощутила уверенность. Стиснула кулаки и пошла смелее, уже не стараясь держаться в тени. Со всех сторон стали раздаваться смешки и шёпот:

– Это что, Королёк? – недоверчиво.

– Ага...

– Ничего себе... – слегка шокировано.

– Она что, в игре? – озадачено.

– Умора... – ехидно.

– Щас будет веселье...

– Да не говорите, – кто-то давился смехом. – Девочка невинности лишится и даже не поймёт, кто был наглецом!

– Ну, она сильна в биологии и химии, кто знает, может, она уже много чего знает не только теоретически, но и практически.

Смешки переходили в откровенный гогот, но это придавало сил. Я шла всё смелее.

– Очень смешно, – послышался едкий голос Ксении. – Лучше йАдом подавитесь, завистники. Иришка вас удивит, да так, что вы лишитесь психологической невинности!

– Ага, – гыгыкнул кто-то в ответ, – мировоззрение сломается, и мы станем вести себя, как желторотые корольки-ботаники!

Я мотнула головой, не желая больше слышать этих бредней.

Тем временем у столиков с наполненными фужерами уже переминались с ноги на ногу человек двадцать. Довольно разношерстная компания, примерно одного возраста. Они посмеивались и заметно волновались. Я застыла рядом с ними у стола, ведь мне тоже пришла смс, а значит первое же задание – и для меня.

– Итак, – поднял свой айфон вверх Артём. – Руки на курки, господа! – умеючи разжигал интерес. – Телефоны приготовили! – Игроки тотчас вооружились мобильниками. Я в том числе.

– Ожидаем смс, но бокал не трогаем, пока не будет свистка, – предостерег с интригующей улыбкой. – Мы ждём бесчестной игры, развратных действий и самых откровенных поцелуев,

уважаемые игроки! Обратный отсчёт... – отчеканил, повышая голос; толпа затаилась. – Пять, – парень уставился в аппарат, одну пятерню вскинул над головой. – Четыре, – убрал один палец.

– Три, – подхватила толпа счёт заводилы. – Два! Один! – громыхал народ. – Поехали! – хором скомандовали. Бой курантов из айфона Артёма раздался на всю улицу.

Игроки суматошно похватили бумажки и ручки, при этом глядя в телефоны. Пару ударов прошло, пока ребята писали желания на бумажках, несколько секунд на глотание этих самых кусочков бумаги, подхват бокалов, и игроки принялись толкаться и протискиваться друг между другом, подбираясь к своей паре, при этом не особо заботясь, мешали ли другим.

Толпа ревела от восторга и азарта:

– Пей, пей, пей, пей, – отколачивала бит. – Целуй, целуй...

Я наравне с другими участниками написала желание. У меня оно звучало: «Пусть этот ужас окажется сном». Одновременно приняла смс, которая пришла ровно с последней цифрой «три» и первым ударом курантов.

Роман?! Кто такой Роман?

Быстро забросила в рот записку, схватила фужер. Даже сердце удар пропустило.

Кто такой Роман?! Скользнула глазами по лицам игроков, интуитивно вычисляя нужного персонажа. Тем временем куранты уже отбили добрую половину времени, а когда игроки стали бесцеремонно расталкивать друг друга, явно спеша к своим партнёрам, и в несколько мгновений уже определились три пары, шагнула к одному из парней, который, как и я, выглядел растерянным. Да к тому же имя Роман ему вполне подходило.

Переплела в локтях наши руки, и мы вместе пригубили шампанское. Ощувив газированный лимонад, возблагодарила бога, что это оказался безалкогольный напиток.

Опустошили бокалы в несколько глотков, а потом, закрыв глаза, оформили школьный лёгкий поцелуй. Куранты пробили последний удар и умолкли.

Если сначала часть толпы отсчитывала количество ударов, а другая скандировала: «Целуй! Целуй!», то вскоре раздалась свистки и смешки: «Это что за поцелуй? Э-э-э, дисквалификация!»

Было понятно, кому адресованы выкрики, но я с вызовом вскинула голову и ждала остальных итогов рядом с парнем, которого определила, как Романа.

– А что такое? – голос Ксении прорвался сквозь гвалт шума и криков. – Никто не говорил, что вчас надо целоваться! – Подруга явно бросилась в защиту, хотя больше это походило на детское оправдание.

– Что за чёрт?! – началась перепалка между зрителями и Ксенией. – Не готова к игре, пусть валит домой!

– Стоп, стоп! – вклинился в гвалт голосов Артём. – Судьи – я и вы, поэтому сейчас разберёмся, что к чему! – развёл руки, жестом веля всем молчать. – Итак. У нас есть победители, но есть претенденты на выбывание. Что удивительно – две пары, которые неправильно определили себе партнёров, – душа тотчас ушла в пятки, но следующая реплика парня немного придала сил: – А одна пара показала мастер-класс в поцелуях и удивила толпу детсадовским исполнением...

Гогот наполнил улицу на некоторое время. Артём вновь жестом заставил всех молчать:

– Так вот, как по мне, из шестерых невинная парочка не так сильно нарушила правило, как четверо, выполнившие задание последними, да к тому же не со своей парой. Разве не так?

– Так, – недовольно прогудела толпа.

– Вот, – примирительно добавил Артём. – Всех объявить проигравшими мы не можем, поэтому будем выбирать из четвёрки лузеров, а для Романа и Ирины хочу пояснить: поцелуй должен быть долгим... и проникновенным. Таким, чтобы зрители воодушевились и захотели за вас голосовать! – Артём снисходительно на нас посмотрел.

Я аж поперхнулась. Ксения права, нигде не говорилось о таком! Да и как целоваться по-настоящему, если никогда этого не делала?!

Но вслух не стала спорить, потому что понимала, как нелепо прозвучало бы оправдание.

Толпа вновь начала орать. От шума я погрузилась в прострацию, стараясь отстраниться от происходящего. Всё больше хотелось плюнуть на глупую ситуацию и уйти домой. Спартака не было видно, а Ксения хоть и поддерживала в пределах своих возможностей, но пока осязательного веса не прибавляла.

Вечеринка не просто надоела своей абсурдностью, она уже в печёнке сидела! Плевать на всех и на насмешки!

Уж было собралась силами, чтобы покинуть вечеринку, как услышала голос Артёма:

– Итак, Надя и Гена выбывают из игры, а Леру и Василия спасло лишь умение произвести впечатление своей страстью! – Толпа улюлюкала и ржала, пока определяли победителей конкурса.

Я, не особо вникая в голоса, покосилась на других игроков. Пробежалась глазами по толпе и на миг перестала дышать, когда опять скрестилась со взглядом Игната. Недобрым, пронзительным.

«Ну уж нет», – ответила прямым взглядом парню. Теперь точно не уйду, буду до последнего сражаться, чтобы ему назло сделать!

Игнат понял мой настрой и коротким кивком принял вызов.

Сердце вновь принялось мчаться с ускорением, краска прилила к лицу.

Я отвела глаза, только когда Артём вновь провозгласил:

– Второй тур, господа!

ГЛАВА 7

(5 лет назад)

Ирина

Игроки первого раунда присоединились к общей массе. Я остановилась в первых рядах толпы, где была Ксения. Хотела лучше видеть происходящее, ну и, конечно, если придётся вновь участвовать – не пропустить очередного тура, хотя отчаянно надеялась, что больше рулетка меня не выберет. Вон, сколько народу! И в отличие от меня, ребята мечтали попасть в игру.

– Итак, задание! Спасти принцессу. Леди сидят на дереве, – Артём махнул на одинокое дерево, и многие девчонки ахнули, а ребята, наоборот, загоготали. – Их верные прЫнцы будут всеми силами стараться к ним добраться, вот только им на пути будут попадаться разные препятствия, которые герои обязаны пройти.

Опять загудели телефоны, и из толпы стали выходить новые участники. Я с облегчением выдохнула: мой аппарат молчал.

– Я не умею лазать по деревьям, – заскулила одна из девушек, вперив умоляющий взгляд на Артёма.

– Пора научиться, – повёл плечом парень. – Да к тому же мы вам пару стремянок выделили. Пока твой прЫнц до тебя доберётся, уж постарайся втащить свой зад на ближайшую ветку, пташка...

Девушка покраснела от такого заявления, но отказываться от игры явно боялась. Тур начался.

Со стороны наблюдать за конкурсами было весьма прикольно и забавно. Не ожидала, что втянусь в игру и даже буду болеть за ту самую девушку. Но для неё и партнёра всё закончилось удачно, несмотря на страхи первой и не самое удачное прохождение полосы препятствий для второго. Их поцелуй произвёл впечатление, а я даже засмушалась, ведь никогда прежде не видела столько целующегося народа одновременно. Причём без стеснения.

– Видишь, как надо, – подтолкнула меня плечом Ксения. – А ты... – добавила без издёвки, но с явным подтекстом.

– В следующий раз вместо меня иди ты, – огрызнулась тихо.

– Я бы с удовольствием, – хихикнула Ксения, – да везение у меня не такое, как у тебя. Если вообще Спартак додумался и меня записать.

– А как меня умудрился? – тотчас озадачилась я.

– Ты меня спрашиваешь? – опешила Ксения в неподдельном удивлении. – Найдём гада – выпытаем. Ну и расцелуем!

Я рот открыла от возмущения, а Ксения хихикнула:

– Да успокойся, всё же круто было!..

– Задание третье! – прервал наш разговор голос Артёма. – Лихие наездницы и бравые скакуны! – сладко объявил парень, и толпа сразу подхватила его игривый настрой. – Сначала кони – парни, а наездницы – леди, а потом... – выдержал короткую паузу, – наоборот! – Толпа так дружно загоготала, что мне жутко стало. Как же девчонки своих парней потащат?

Когда стали известны все участники, улыбнулась. Пока ждала смс, сотню раз проклинала тот момент, когда согласилась пойти на вечеринку.

Приятно было наблюдать за другими, подбадривать, переживать... и знать, что не твоя это участь!

Ребята из кожи вон лезли, стараясь победить. В конце было очень жаль тех, от кого отвернулась удача. И конечно, волнительно за девчонок. Бедняжки как только не пытались утащить своих наездников! Ухитрялись использовать разные средства, чтобы дотянуть кавалеров до финиша: кто скейтборд, кто велик, кто ролики на ноги пацанов нацепил... Очень находчиво.

– Четвёртое задание! – после подведения итогов третьего, провозгласил Артём. – Забег на миллион. Сначала девушки демонстрируют забег на высоких каблуках, а потом передают эстафету своим кавалерам жарким поцелуем.

– А каблуки? – уточнил кто-то из толпы.

– И каблуки тоже! – кивнул с лукавой улыбкой Артём. – Кто сказал, что только девчонки умеют бегать на шпильках?

Народ разрядился радостным смехом и свистом.

Я непроизвольно отступила подальше в толпу. Чего-чего, а бегать на каблуках совершенно не умела, даже ходить-то на них не могу. И сейчас радовалась, что Ксения вместо туфель нашла мне привычные сердцу кеды.

В толпе завибрировали телефоны, послышались горестные вздохи парней и нервные хихиканья девушек. Ребята отделялись от толпы и подходили к псевдосцене, где собирались игроки.

– Это не гигиенично, чужую обувь надевать! – возмутилась одна из участниц. – А что, если я заражусь грибок стопы?

– Я тебе курс лечения оплачу...

– Надеюсь, это лабутены? – хохотнула другая девушка.

– Хератены! – колко парировал Зур.

В общем, забег начался, и был очень даже горячим и волнительным. Я всеми фибрами души болела за всех и никого конкретно, ведь ребята боролись до конца. Любимчиков не выбирала, а лишь следила за этапом в целом.

Толпа была в экстазе! Орала и свистела, подбадривая игроков. Я ощутила настолько сильный прилив адреналина, какой испытывала, лишь выполняя самые сложные трюки на скейтборде или роликах!

– Мне кажется, многовато поцелуев, – прошептала, адресуя реплику подруге, когда все пары вновь стали целоваться. – И я бы больше волновалась не о грибке стоп, а о заболеваниях, передаваемых через слюнообмен, – скривилась, созерцая парочек.

– Не дури, – отмахнулась Ксения. – Артём не пригласил бы на вечеринку заразных.
– Он что, у всех справки спрашивал? – едко подметила я.
– Нет, – озадачилась подруга. – Но он знает практически всех. Да и если бы кто-то чем-то болел, – умолкла многозначительно, – сплетни точняк разлетелись бы по школе! – подытожила заумно.

С этим сложно не согласиться. Сплетни... они быстрее ветра. Особенно, когда выеденного яйца не стоят. Фейковые забросы быстро обживались в народе и обрастали жуткими подробностями. Очень трудно в таком шлаке отыскать правду.

– Сплетни сплетнями, а герпеса, гриппа, ангины или чего похуже не хотелось бы с вечеринки принести.

– Ой, да хватит паниковать, – отмахнулась Ксения. – Если честно, то Артём взломал базу данных по школе, и поэтому все медкарты и личные дела у него есть.

– Что?! – ужаснулась я.

– А ты не знала, что он неплохо взламывает базы?

– Я не о том. Он не должен был...

– Чем бы дитё ни тешилось, лишь бы вечеринки продолжало закатывать, – отрезала Ксения.

На это я вообще не нашла, что ответить.

Огласив победителей и проигравших очередного состязания, Артём объявил:

– Пятый этап, – парень был королём вечеринки и сейчас всласть этим наслаждался. – Игра знакома всем, – вскинул палец вверх. – Золушка! Каждой паре выделяется пара туфель. Одна останется у Золушки, а вторая... у прЫнца. ПрЫнцу придётся обойти каждую Золушку, ощупать каждую ножку и примерить каждой туфельку. Он обязан правильно определить свою наречённую и поцелуем обозначить выбор!

– А в чём сложность? – уточнил кто-то из толпы.

– А сложность в том, что прЫнец не будет знать, кто именно его пара и, конечно же, не будет видеть претенденток на руку и сердце... Точнее, – мотнул головой Артём, – на туфельку и поцелуй. Только изящные Золушкины ножки... Ух, – изобразил дрожь парень. – Прямо завидую нашим прЫнцам! Сам бы каждую Золушку пощупал! – Толпа захохотала, а девчата возмущенно зашикали. – Или затянул время изучения ножек, пальчиков, – взглядом скользнув по толпе, ведущий на миг остановился на Ксении. Подруга вцепилась в мою руку, и я почувствовала её волнение. – Итак, – повысил голос Артём, вновь осматривая толпу. – Игра начинается!

Толпа радостно взревела в ожидании нового увлекательного тура.

Сквозь шум зрителей уже не было слышно гудения и вибрации телефонов, но из общей массы ребят стали отделяться парни. Я легонько толкнула подругу плечом:

– Глянь, Антошка в игре, – шепнула шокировано.

– Откуда он тут взялся? – недоумевала Ксения. – Я его не приглашала, – она наморщила лоб.

Я не понимала, почему Ксю избегала общения и всячески игнорировала Тоху. Спокойный, тихий, умный... Да, не такой красавец, как Артём, но очень симпатичный ботаник, который не отказывал в помощи. Не навязывался к ней в друзья, а при встрече всегда краснел и смущался. Вот и сейчас Ксения высокомерно задрала нос.

– Пусть ему повезёт и попадётся бойкая Золушка. Глядишь, научит целоваться, а то где такая дура ещё найдётся?! – выпалила ехидно подруга, и мне даже стало за неё стыдно.

– Ксю, ты не права. Зачем ты так? Хороший парень, просто стеснительный. Сама не понимаю, как он осмелился на вечеринку прийти.

– За нами увивается! – отрезала строго Ксения. – Вот пусть сам и выбирается.

Я сжала кулачки, надеясь на его победу.

Как только поток участников к сцене окончился, а помощники Артёма устроили занавес из нескольких больших кусков ткани, напоминающих шторы, игроков-парней запихали за него. Толпа вновь заволновалась, ведь теперь настала очередь выхода девушек. Совсем неожиданным стало оповещение у Ксении. Она даже не сразу поняла, что ей пришло смс. Я опять толкнула плечом подругу:

– Э-э-э, твой телефон, – шикнула дрожащим голосом.

Ксения неуверенно выудила из заднего кармана шортиков мобильный. Несколько мгновений его изучала, и уже по её расширяющимся глазам стало ясно, что подруга в игре.

Ксения растерянно спрятала мобильник обратно и пошла к сцене. Когда девушки кучно собрались возле Артёма, он скомандовал:

– Золушки поочерёдно изображают побег из замка и теряют свою туфельку!

Раздалось хихиканье, но уже через секунду самая решительная участница, плавно покачивая бёдрами, засемила вдоль мнимой сцены. Резко обернулась с округлёнными глазами и, напоминая плохую актрису, изображающую страх, приложила руку ко рту. Миг – и её балетка осталась на земле.

– Не верю! – взвыл кто-то из толпы и народ загоготал.

Только помощник Артёма подобрал туфлю, вторая «Золушка» поспешила совершить «побег». Третья, четвёртая. Девчата старались, как могли, отыграть роль, чем вызывали бурю аплодисментов, свиста, откровенно пошленьких выкриков и подбадриваний.

Вскоре в коробке, которая стояла возле Артёма, собралась куча обуви, а Золушки толпой ютились в сторонке. После чего дружно скрылись за тканью, из-за которой, в свою очередь, появились «принцы».

Пока Артём рассказывал суть дела парням, его помощники развешивали обувь из коробки на одиноком дереве. На счёт «три» принцам пришлось продираться через толпу зрителей, чтобы снять с дерева туфельку и быстрее остальных приступить к поиску своей Золушки.

Нужно сказать, что Антона затолкали, поэтому ему досталась балетка на краю верхней ветки, куда он добирался долго и неуклюже. Да уж, неудобно повесили, а более прыткие игроки оставили парню самое сложное. Тоха старательно и осторожно взбирался по стремянке, потом по сукю. Толпа хохотала, давала дельные советы, и только я волновалась за друга по-настоящему. Он ботаник от и до, могли бы и поддержать игрока. Издеваться и шутить над другими легко, особенно в толпе таких же болельщиков. Я, как и Антон, была по другую сторону, поэтому понимала его как никто.

Как бы то ни было, Антон справился с заданием и поспешил к сцене, где ему было необходимо определить свою Золушку. Я затаилась, так как уже знала, чья в его руках обувь. Ксении!

– Мы нашли Золушек, пора бы примерить обувь! – провозгласил Артём. – Вы готовы?

– Да, – рвано отозвались принцы без особого энтузиазма.

– Что-то как-то неуверенно и вяло, – скривился Артём. – Вы готовы? – повторил с нажимом.

– Да! – громыхнула толпа, и парень сразу же заулыбался.

– Так-то лучше! А то скоро полночь... волшебство рассеется, очарование уйдёт, и наступят серые будни.

Я в ужасе глянула на свой телефон. Время уже было почти десять. Чёрт! Очень было волнительно за друзей, но надо бы бабушке с дедушкой позвонить.

Чуть отошла в сторону и набрала родственницу.

– Алё, – через несколько гудков отозвалась взволнованно бабушка.

– Ба, – сразу же начала я. – Знаю, ты сказала к десяти, но прошу, можно мне ещё часок? – Клянусь, ни алкоголя, ни чего другого... Тут просто игры и конкурсы. Я участвую... Не хоте-

лось бы проиграть из-за неявки, – решила сказать правду. Давно поняла – чем честнее с родственниками, тем больше доверия и признательности.

– Иришенька, – заканючила бабушка. – Так поздно. Ты такая молоденькая...

– Ба, я у Зазуреных в коттедже, а это всего остановка от нас. Причём улица освещена...

Прошу, – молила нежно.

– Ох, – закряхтела бабушка. – Твой отец с меня шкуру спустит.

– Да перестань, – попыталась умаслить родственницу. – Так можно?

– Хорошо, – выдохнула с горечью бабушка. – Но в одиннадцать, кровь из носа – дома!

– Спасибо, я вас люблю, – прошептала в трубку и сбросила вызов.

Тем временем игра уже была в разгаре, а подкрававшаяся темнота придавала лоска и взрослости вечеринке.

Девушки сидели на краю сцены по всему полуконтуру. Правда, прекрасный женский коллектив Артём решил разбавить подставной парочкой: двумя парнями. Ромкой, с его-то накаченной фигурой и крупными ступнями, что уж говорить про волосатость ног, ну и Юрасиком Виктюковым. Парень был жутко жеманным, утончённым, невысоким. Со спины его можно было легко перепутать с девушкой, ведь даже волосы у парня были светлые, вьющиеся, до плеч. В общем, как только все ножки оказалась на обозрении, а сверху их хозяев скрыла ткань, тур начался.

Так как каждый принц был обязан быстрее других выбрать себе пару, парней запустили всем скопом. С завязанными глазами!

Вот тут началось нечто дикое и бесцеремонное! Парни, словно неандертальцы, хватили Золушек за ноги. Гладили, шупали, отпускали пошлости, за что получали от красавиц, а порой и от красавцев, которые всеми силами старались не показываться, но при этом жаждали отомстить за наглость. Ткань, словно большое привидение, шевелилась; то тут, то там появлялись угловатости.

Толпа гоготала от восторга и подбадривала то дерзких принцев, то оскорблённых Золушек.

В итоге вышли странные пары, и даже две троицы, ибо на одну ножку нашлось несколько претендентов. Они оставили возле каждой избранницы свою пару обуви и отошли к ведущему, ожидая результатов.

Когда Артём объявил: «Стоп игра!» – занавес пал, и на всеобщее обозрение предстали девушки и подставы-Золушки. Принцы – кто улыбался, кто оторопело смотрел на выбранную Золушку, но при этом обменивались шутками и смешками. Золушки были более сдержаны, они лишь с любопытством рассматривали обувь, которая лежала возле них. Хотя, больше всего насмешила пара Юрасик-Генка. Второй как увидел, кого выбрал, аж отскочил на несколько метров в сторону. Адресованный их паре гогот был долгим и колючим, но уж что получилось. Игра есть игра!

В общем, когда настал черед Золушек поцелуем объявить своих истинных принцев, зрители пришли в неистовство, и полетели откровенные пошлости и даже советы Золушкам более дотошно изучить своих наречённых. Вот тут-то и кто-то из толпы не удержался и проорал:

– Поцелуй лягушку, она красавицей обратится! – Всем было понятно, что это Генке и Юрасику советовали. Жеманник засмутился, а Генка кулаком пригрозил юмористу, а потом пообещал скорую расправу.

После подведения итогов оказалось, что конкурс был очень сложным, и победителей всего двое. Самое интересное, первыми оказалась реальная пара в жизни, и поэтому свою девушку парень определил легко и с точностью. Вот тогда толпа зароптала, а другие участники возмутились. На что Артём отрезал: «Компьютер выбрал, я тут не при чём!»

А второй парой оказались Антон и... Ксения! Этого я никак не ожидала, впрочем, это мелочь по сравнению с тем, что явно испытывала сама Ксения, когда остановилась напротив Антона.

Она шумно дышала несколько секунд, а затем зло сощурила глаза.

– А меня не посадят за соращение несовершеннолетнего?

Толпа заржала, а Артём присел на корточки, чтобы хоть как-то оказаться на уровне Ксении, и сладко пропел:

– Красавица, не посадят. Ты сама маленькая. А поцелуи между мелкими – дело обычное, уголовно ненаказуемое.

Теперь колючий взгляд перескочил на ведущего. Парень самодовольно подмигнул, чем явно раззадорил подругу. Ксения выпрямила плечи, встряхнула копной длинных выющихся волос и подступила ближе к Антону, который словно дышать перестал.

– Не думала, что придётся с тобой... Ну, раз так, – опять мотнула головой. Беззастенчиво взяла Антона за футболку, рывком подтянула к себе, крутанула и насильно усадила на край сцены.

– Пусть первый раз тебе особенно запомнится! – отчеканила прямо рот в рот. Совершенно развратно оседлала и припала к губам.

Опешивший Антон несколько секунд сидел, как истукан, но уже в следующий миг прижал девушку к себе. Поцелуй явно затягивался, толпа затаилась, ведь никто не ожидал такой страсти и продолжительности, а парочка тем временем совсем забылась. Ксения обвила руками Антона за шею, прижимаясь ближе, а руки парня нагло скользнули вниз, но едва оказались на пятой точке Ксении, девушка отстранилась и звонко зарядила наглицу пощёчину. Толпа разразилась гогогом. Пока Антон пребывал в шоке и держался за место удара, Ксения спустилась на землю, оправила одежду и всем видом показала, что ждёт оценки ведущего.

– Это было, – кивнул озадаченно Артём, – очень горячо и по-взрослому...

В общем, кто победил – было понятно, а вот проигравших выбирали по двум показателям: насколько эффектно убегала дама, и с какой дотошностью принц старался отыскать свою Золушку.

– Чтобы я ещё... когда-нибудь... – негодовала с паузами Ксения, только оказалась рядом со мной, – этого батана поцеловала?!

– А что, до этого ты такую мысль допускала? – уточнила с сомнением. Увиденное говорило, что Ксения хоть и изображала искреннее возмущение, ей понравилось! Понравилось целоваться с Антоном!

– Ни-ко-гда! – возмутилась подруга с покрасневшим лицом.

Я благоразумно промолчала. Что ж, её личное дело – отрицать очевидное, если так хотелось.

Ксю лишь мазнула взглядом по Антону, который, словно побитый пёс, остановился возле дерева. Сел на землю, прижавшись спиной к стволу, и потерянно смотрел на толпу, но явно сквозь неё.

Далее последовал шестой конкурс – «на выживание», где пара должна была пройти «тропу смерти» и, встретившись на середине, заключить свой союз крепким, жгучим поцелуем. Остальные пары водным оружием и капитошками мешали им выполнить задание.

Я давно так не молила бога о защите, и он меня услышал! Телефон промолчал, зато несколько знакомых оказались в игре. Тур был очень сложным, мокрым и богатым на проигравших. Поэтому выбирали всем миром, кто справился с заданием хуже остальных.

В ожидании игроков следующего седьмого конкурса я забыла, как дышать, и только колкие замечания Ксении не позволили лишиться чувств. Конкурс «Кто быстрее» должен был пройти в надувном бассейне, где по щиколотку воды. И даже отсутствие сменной одежды и купальных костюмов – не повод для отказа от участия. Артём умело поддерживал накал стра-

стей и едко подметил, что бегать нужно быстро и тогда намочнуть не успеете. В общем, пара способом эстафеты должна была сделать «заплывы» туда-сюда, не забыв с противоположного края бассейна забирать по детали. Палка, щётка, скотч, чтобы скрепить две части и... хлоп-пушка. Элементы доставить на свой «берег», где необходимо собрать летательный аппарат и, конечно, вместо волшебного слова – поцелуй, а выстрел хлопущки – для последнего рывка и старта к финишу!

На восьмом конкурсе парам приходилось преодолевать несколько препятствий, чтобы достичь друг друга. Парням – с завязанными ногами прыгать через резиночки по витиеватому лабиринту, а потом одеться в женский наряд, куда входила юбка и лифчик, ожидая свою пару, ведь парни разыгрывали из себя девушек. А вот девчонкам нужно было на досках скатиться с небольшой горки, при этом размахивая мягкой битой вместо меча. Они изображали рыцарей на конях, которые побеждают драконов. Драконами оказались большие воздушные шары, которые нужно было лопнуть любым способом.

Говорить не стоило, что толпа поддерживала игроков звучными криками и свистом.

Девятый тур – «Знакомство вслепую». Девушкам и парням завязали глаза, и они, блуждая по лабиринту из других участников, должны были встретиться и закрепить знакомство. Конечно же, поцелуем. Парням выдали скрипучие дуделки, девушкам – колокольчики. Общение было запрещено, поэтому лишь звуками можно выдавать местонахождение. Смешно и прикольно... А вот последний тур, которого так ожидала, – ведь торопилась домой, – оказался роковым.

– Конкурсная часть подходит к финалу, – предупредил Артём, и толпа расстроено загудела. – Но это не значит, что последний тур станет скучным. Нет, – заявил многообещающе. – Мы зажжём по полной, и вам запомнится вечеринка!

– Да! – громыхнула заметно опьяневшая толпа.

– Итак, последний конкурс на сегодня. «Непримиримые!».

Народ залился смехом и откровенными репликами, заставляющими краснеть.

ГЛАВА 8

(5 лет назад)

Ирина

Уставилась на экран мобильного, где высветилось «Игнат», и застыла как вкопанная. Нет, я допускала мысль, что это могло случиться, но не понимала за что судьба так издевалась. Вероятность пары «Ира-Игнат» была микроскопической, и этот шанс каким-то образом выпал.

В ужасе подняла глаза, потерянно скользя по толпе, ликующей непонятно с какой радости, пока не наткнулась на Селивёрстова и не встретила хмурую пасмурность его взгляда, которая тотчас обратилась уничижающей насмешкой, вгоняющей в краску и смущение. Парень всем видом обещал скорую расправу, даже несмотря на то, что сейчас мы должны были играть в тандеме.

Шумно выдохнула и демонстративно отвернулась. Не позволю вот так просто себя гнобить! Я не хуже остальных, а значит, имею право быть в игре и делать, что другие!

Дальше подумать не успела, голос Артёма возвестил:

– Пора начинать. Итак, игроки, вы должны занять свои места.

Толпа сразу же зашевелилась, а участники стали отделяться от общей массы. На дрожащих ногах я тоже пошагала к сцене.

– О, – хохотнул кто-то. – Опять Королёк!

– Да, уж горе-счастливица...

– Отстаньте от девочки, – протянул кто-то благосклонно. – Пусть тренируется, чтобы потом мастер-классы давать в поцелуях...

Я игнорировала реплики ехидства – должна быть выше мелких склок и огрызаний.

Артём подробно рассказал, что кому нужно делать. Я всё поняла и радовалась, что тур не так сложен, как некоторые до этого. Единственное, что смутило – девушкам нужно было на скейтах одолеть довольно крутой искусственный бугор, он, кстати, сделан специально для катания на досках. Если без подготовки – весьма проблематично. Хотя, девушек никто не заставлял стоя ногами на доске это делать, можно и сидя...

Бахвалиться умением кататься на скейте не собиралась, поэтому дала себе слово, что пройду задание аккуратно и без пафоса. На этой мысли разумное оборвалось, ведь мандраж и волнение взяли своё. Артём громко возвестил: «На старт! Внимание! Марш!», и толпа ринулась выполнять вверенное задание, так или иначе пытаясь затруднить прохождение маршрута соперникам – толкаясь, ставя подножки или дёргая за одежду. Я тоже поспешила и, конечно, тотчас оказалась в толпе, откуда меня попросту вытолкнули. Под залиvistый гогот зрителей поднялась на ноги, потирая ушибленную коленку, но только нашла глазами Игната, тотчас взяла себя в руки. Не покажу ему, что мне плохо! Больно... Быстро поспешила к нужной точке прохождения этапа, но в толпу больше не стремилась: дважды на одни и те же грабли не собиралась наступать.

Да признаться, уже мало кого замечала. Жадно следила за Игнатом. Парень на такой скорости проходил свои преграды, что зрители лишь восхищённо отсчитывали количество оставленных позади. Даже если бы не двигалась, расстояние между нами сокращалось быстрее, чем между парами, спешащими друг к другу изо всех сил.

Не любоваться грацией и красотой Селивёрстова было невозможно. Великолепен и чертовски обворожителен. Эдакий обаяшка с дьявольским нравом и внешностью ангела. Чего греха таить – я засмотрелась.

Блин, хуже – точно в транс впала. В общем, под гипнозом заторопилась навстречу, ведь невидимым арканом нещадно тащило к нему.

Мне всего-то нужно было нацепить надувной круг и симитировать утку, плывущую по озеру, точнее, бегущую по резиновому бассейну, где воды всего ничего – по щиколотку. Мокро, холодно, скользко. Тут уже копошились несколько участниц. Пихались, толкались, визжали, под гогот толпы, которая девчат-участниц подбадривала улюлюканьем. Но мне было уже всё равно. По дороге к искусственному пруду, не обращала внимания на смехотворные попытки меня остановить, уворачивалась, перескакивала через препятствия и даже отпихивала соперниц, когда нужно было завладеть надувным кругом. Одна что-то верещала, в волосы хотела вцепиться, но я ловко подножку поставила... Раз уж правила без правил, почему не могла дать сдачу? Быстро преодолела бассейн, от души побрякав...

Далее, танцуня прошла под низкой перекладиной, возле которой зависли несколько участниц. Ну да, низко установлена, а касаться перекладины нельзя. Не то, чтобы гибкостью отличалась, но прогнуться получилось, к тому же в условиях не говорилось, что назад нужно голову склонять, а не вперёд. Пока соперницы возмущались, требуя меня наказать, я уже стояла возле площадки с досками. Помимо меня тут была пара участниц. Пока красотки скулили, безуспешно стараясь овладеть техникой катания, подхватила первый попавшийся скейтборд. Увлёклась так, что даже не поняла, толпа умолкла, когда я привычным манером встала на доску и в несколько мгновений оформила самый сложный перекал по горе, а гася скорость, ещё и описала стандартный для скейлера пируэт. В завершение триумфального прохождения трассы, ловко прокатилась от асфальтированного участка до кафельного пола, который окружал центральный бассейн, где и поджидал меня Игнат. Он тоже застыл, хотя мог бы сократить дистанцию раньше. Но нет, прищурившись, рассматривал приближающуюся меня.

Автоматически остановилась напротив и наступила на край доски. Она приучено подпрыгнула и легла в руку.

Почему-то именно сейчас разница в росте уязвляла. Игнат всегда выделялся статью, вот только со стороны не казался таким... огромным. Он был выше на голову, и поэтому пришлось вскинуть свою.

А это злило! Я не Королёк!..

Молчание затягивалось. Причём, молчание не только Игната и моё, но и толпы. Редкие выкрики самих игроков, которые старательно проходили испытание, не нарушали гнетущего напряжения, что сейчас витало на улице возле нашей пары.

Близость... Впервые настолько ярко ощутила, как близость с этим парнем на меня действовала – она опьяняла. Сердце пропускало удары, а от волнения я едва дышала.

Нет, я старательно пыталась не думать об этом. Не хотела... Не могла...

Ненавидела Игната. Он мне категорически не нравился... А химия... Насмешка природы, а я на то и химик, чтобы научиться управлять процессами.

– Я прошла свою часть, – сглотнула взволнованно, зачем-то решив отчитаться перед Селивёрстовым, – но целовать тебя не буду!

К этому моменту уже несколько пар тоже одолели все уровни и сейчас мчались друг к другу, ведь сражались за победу до конца, и заминка соперников им была только на руку.

Игнат подступил ближе, и теперь я ощутила жар, исходящий от парня. Меня тотчас окутала тёплая волна, безжалостно ударив в лицо. Щёки предательски запылали. Я затаилась. Селивёрстов склонился так близко, что дыханием опалил ухо:

– Можно подумать я горю желанием тебя целовать, Королёк, – голос был пропитан холодом, – но... не люблю и не умею проигрывать!

Этого не ожидала, ведь первая часть очень обнадежила, хоть и обидела – редкая девушка воспримет подобную реплику спокойно, даже если люто ненавидит парня.

А потом Игнат рискнул поцеловать. Без рук, просто потянулся. Я увернулась, на что толпа рвано загоготала и зашушукалась. Селивёрстов нахмурился, и уже в следующий миг опять попытался прикинуть к моим губам, только более настойчиво и грубо. Я снова ловко отклонилась. Третья и четвёртая попытки так же не увенчались успехом и вызвали ещё больше смеха в толпе, хотя наглец меня даже придерживал за плечи.

Вот тогда у него, видимо, закончилось терпение...

Рывком притянул, поймав в кольцо и зажав мои руки вдоль тела. Я открыла рот для возмущения, но это было ошибкой – его губы коснулись моих, правда, совсем коротко и скромно. Извернулась и освободившейся ладонью наотмашь ударила наглеца по щеке.

Толпа возмущённо зароптала. Да я и сама не ожидала от себя подобного, а когда осознала, что натворила, было поздно. Уже в следующую секунду Игнат коротко толкнул меня. Я откровенно растерялась – отступила... Позади оказалась пустота. Сердце ёкнуло тревожным ударом. Я испуганно взмахнула руками, сдавленно взвизгнула и... с плеском ухнула в бассейн.

Наглотавшись воды, отплываваясь, всплыла. Но только вынырнула, совсем рядом с громким шлепком и волнами брызг кто-то приземлился. Это оказался Игнат, и по его лицу чётко поняла, что он явно решил добить жертву. Народ взвизгнул от восторга, приняв данную выходку, как призыв к активным действиям. Со всех сторон в воду стали прыгать ребята и девчата. С криками и свистом, с разбегу, с пируэтами, поодиночке и даже парами. Началась полная вакханалия, и я была в её эпицентре!

Я была жутко напугана, когда Игнат двумя гребками оказался рядом. Бесцеремонно притянул и опалил губы своими. Жадными, наглыми. Это было... неожиданно. Жарко, властно, упоительно. Настолько умопомрачительно, что опешила.

А может умерла и сейчас в Раю? Нет, это не Рай, это – сущий Ад на Земле... Точнее, в воде!

Грохот собственного сердца говорил о том, что я ещё жива. Парень не разжимал объятий и уж тем более не заканчивал поцелуя. Он его беззастенчиво углубил и, как показалось, при

этом сделал более властным и напористым. Беззастенчиво шарился руками по моему телу и, чёрт возьми, мне это нравилось. И без того кое-как держалась на плаву, а теперь и подавно была готова умереть под властью Игната. Чтобы не утонуть, вцепилась в плечи парня, а ногами обвила его торс, боясь, что вот-вот лишусь чувств. Ощутила, как напряглось его тело, как огрубели руки... Правда, всего лишь на миг... Мучительный, томительный. Я вжималась, словно хотела стать частью Селивёрстова... А он исследовал так, будто давно жаждал это сделать и теперь, наконец, получил доступ. Меня лихорадило, внизу живота бурлило такое желание, что лишь поёрзала, не зная, что творю. Впервые в жизни ощутила, что такое настоящий поцелуй... возбуждение. Это было... волшебно и чувственно, как описывали в любовных романах. Мир завращался, дыхание сбилось, кислорода катастрофически не хватало.

Реальность уже было ускользнула окончательно, как неожиданно пришло спасение и появилась несносная, дико неуместная свобода. Игнат прекратил мучительную сладкую экзекуцию и отстранился. Я жадно глотнула воздуха, распахнула глаза и тотчас оказалась под властью замутнённого взгляда серых глаз. Несколько затянувшихся мгновений дышала всей грудью, не сводя негодующего, полного возмущения взгляда с парня, а когда рассудок вернулся окончательно, вlepилa новую оплеуху. Получилось звонко, смачно и неожиданно для всех, кто оказался невольным свидетелем.

Пауза была странной, но позволила упорядочить мысли. Ну и что теперь делать? А когда поняла, что до сих пор сидела на Игнате, попыталась освободиться из столь приятного плена. Вот только Селивёрстов не позволил. Словно не замечая, как трепыхаюсь в его руках, принялся с таким пренебрежением ладонью водить по моему лицу, что опешила в очередной раз.

– Глупый Королёк решил, что может мне бросить вызов? – отчеканил Игнат с отвращением. – Целовать девку разодетую и разукрашенную словно голливудская шлюшка, не самое приятное в жизни. – Плюхнул водой мне в лицо, и пока безмолвно негодовала, открывавая-закрывая рот, не находя слов, толкнул прочь: – Вали домой, Королёк. Ещё мала для такой вечеринки и поцелуев. Невинности потом лишу!

Кто услышал эти наглые слова, откровенно зашлись смехом. Шутка полетела быстрее птицы. И к тому моменту, как я сумела выбраться из бассейна, уже вся толпа была в курсе. Попытка выпившей Ксении поддержать меня, не нашла отклика в душе. Я лишь отпихнула Ксю прочь, а Спартак, который проснулся и сейчас был готов продолжать веселье, проигнорировала, пройдя мимо, словно его не существовало.

Ни на одну реплику не реагировала. Шагала мокрая, помятая и с жутко уязвлённым самолюбием. Пролиться слезам позволила только дома, когда закрылась в своей комнате от бабушки и дедушки, которые волновались возле двери и молили рассказать, что произошло.

ГЛАВА 9

(5 лет назад)

Ирина

Проплакала всю ночь, а наутро уже точно знала, что возвращаться в школу совершенно не хочу. Нужно поговорить с отцом о срочном переводе. Даже на уроки не собиралась. Обняла подушку и сидела на постели, игнорируя родственников, которые умоляли позавтракать.

Спасение пришло неожиданно. Отец сам позвонил и сообщил, что я уезжаю. Причём не просто загород или в пределах страны, папа меня забирал с собой в Лондон! Немедленно!

– А школа? – рассеянно уточнила.

– Я уже позвонил директору. Документы готовятся в срочном порядке.

– Что-то случилось? – была счастлива и в то же время напугана.

– Ничего страшного, – пояснил мягко отец. – Мне предложили интересную работу в Лондоне. Для тебя это прекрасная возможность и стажировка. Нет лучшей практики в изучении языка, как непосредственно в том месте, где говорят на нём. Так что собирайся. По дороге в

аэропорт заскочим в школу, кое-что передашь директору, а он даст первый пакет самых нужных документов для перевода. Потом по почте отправит остальное.

Я подскочила на постели.

Наконец-то удача! Счастье! Европа!

И не нужно больше видеть Игната!

Ура!

Выбежала из комнаты в чём спала:

– Ба, дед! – прошлёпала босыми ступнями по полу, ураганом торопясь вниз в столовую, где уже были родственники. – Папка позвонил! – затараторила счастливо. – Мы уезжаем! В Лондон!

– Да, – отозвалась бабушка, и я только сейчас осознала, что на глазах родственницы сверкали слезинки. Перевела взгляд на дедушку. Он не плакал, но грустил.

– Ба, де, – вклинилась между родными и любя притянула к себе. – Я вас обожаю. Буду очень скучать, но это же Лондон! – попыталась достучаться до их разума.

– Конечно, – кивнула бабушка и поспешила прочь из зала, но уже в коридоре бабуля смахнула слезы, которые явно не желали останавливаться.

– Ну перестаньте, – взмолилась я. – Я ещё приеду вас навестить, – выдохнула от переизбытка чувств. – Вот только доучусь... и тогда...

Не хотела думать, как сложно прощание давалось бабушке и дедушке, да и о другом размышляла. О том, что наконец-таки у меня будет иная жизнь. Что больше не увижу Игната! Не услышу насмешек и погонял... И плевать, что вчера случилось. Плевать на блог Артёма и его страницы в инете. Теперь всё будет по-другому!

Собиралась быстро, запихивала вещи во все сумки и чемоданы, что отыскала в доме. Папа не сказал как долго мы пробудем в Лондоне, но если приходится документы из школы забирать, значит, надолго!

Приняла душ, умылась, причесалась, оделась и спустила багаж вниз, где уже покоилась довольно приличная груда сумок.

– Ты решила весь дом вывезти? – грустно пошутила бабушка, натянуто улыбаясь.

– Только самое необходимое, – воодушевлённо прошептала я и прокрутилась в танце. – Европа!

Теперь у меня будет время набраться сил! Я повзрослею, окрепну, научусь наглости и стойкости. Уж что-что, а упорством и жадной познания нового отличалась. Недаром папа сам взялся обучать предметам, в которых был специалистом высочайшего уровня. Микробиолог! И как оказалось, я пошла в него. Мне нравилось ковыряться с пробирками, работать с формулами, искать, копать нужные элементы, реагенты, выводить нечто новое...

Я тряхнула головой. Продолжу путь отца, а ещё назло всем завистникам стану знаменитой и яркой девчонкой. Утру нос Игнату, да так, что он признает меня и захочет дружить!

Вот только будет ли он достоин дружбы со мной?..

Отец приехал довольно быстро. С полчаса разговаривал с бабушкой и дедушкой при закрытых дверях, а я послушно сидела в зале и его ждала. На телефонные звонки Ксении, Спартака и Антона не отвечала. Не хотелось говорить. Да и не о чем! После вчерашнего не желала их видеть. Мне нужно время. Прийти в себя, обдумать, окрепнуть психологически. Да к тому же ещё немного, и моя мечта сбудется! Я уеду... Главное, дождаться папу...

Отец вышел стремительно. Мило улыбнулся и поцеловал меня в лоб, как делал это по обыкновению.

– Ты стала ещё красивее, принцесса, – вымучено улыбнулся. – Копия мамы... – добавил с болью и гордостью одновременно. Он до сих пор не смирился с потерей любимой. Я это знала. Поэтому он уехал. Не мог находиться в доме, где умерла жена. Постоянно разезжал по

стране и ближнему зарубежью со своими разработками. Такой образ жизни был неприемлем для меня, затруднял получение образования, ведь частая смена жительства не самая устойчивая платформа для обучения. А так как у меня большое будущее, по крайней мере, и папа, и я в этом были твёрдо убеждены, – решили, что останусь с родителями мамы и продолжу образование в самой сильной школе района. До поры до времени...

Признаться, первое время обижалась на него за слабость, но потом смирилась и поняла, что папа старался для меня. Думал о будущем... Как бы то ни было, простила и сейчас радовалась – отец брал с собой. В Европу!

Сидя в такси, извелась, а когда подъехала к школе, покосилась на папу:

– А нельзя сразу все документы по почте переслать? – уточнила тихо.

– Можно, – кивнул отец. – Но это будет дольше, да и, не дай бог, по дороге потеряются.

Ты же слышала, как работает нынче почта и курьерская служба?

– Ага, – согласилась вяло и бросила взгляд на школу. Так не хотелось туда идти. Досадливо вздохнула и вышла из машины. Чтобы не затягивать время, быстро побежала к входу, а уже в здании, напрямик бросилась на третий этаж, где и располагался кабинет директора.

Игнат

Математика закончилась, о чём громко возвестил истошным переливом школьный звонок. Одноклассники с радостным гулом покидали кабинет. Я затолкал учебник и тетрадь в рюкзак. Вжикнул молнией и, определив на плечо, тоже вышел из класса.

Со вчерашней вечеринки не отпускало странное ощущение, что влип. И влип по-крупному! Словно сделал нечто запретное, и теперь мне грозило пожизненное наказание.

Вот только во что? И какое? Тщательно перебирал в уме события от начала до конца, задавал себе наводящие вопросы, но никак не мог понять, где промахнулся. Начало порадовало, середина даже позабавила, а под конец... как всегда было... не одиноко.

Что же такого случилось, отчего душу съедало, точно мышь сыр, странное предчувствие?

Я упорно отрицал, что это хоть как-то могло коснуться соседки. Рядовая ситуация! Уйма народу, веселье, алкоголь, игры, развлечения, девчонки...

Вечеринка сама по себе была улётной, и ничто не предвещало того, что случилось. В который раз прокручивал игру, вновь и вновь ловил себя на мысли, что на душе гадко. Одёргивал – ничего ведь не случилось аморального! Убеждал, что всё отлично! Жизнь продолжается!

Конкурсы как конкурсы, веселье как веселье... Ну подумаешь, малолетка досталась парой. Ну припёрла на вечеринку для взрослых! Ну в развлечении поучаствовала! Ну чуть удивила умением стоять на доске лучше многих моих друзей. Ну поцеловались... Ну испустились...

Я ведь дал понять, что ей тут не место. Тем более со мной! Даже руки не распускал. Был мил и обходителен. Мы ведь победили, несмотря на её выходку и позорное падение в самом начале этапа. Даже не приставал – как честный парень отправил домой! А ведь она напрашивалась. Чего стоил её ответ на поцелуй. А как она прильнула, уселась на меня, руками обвила...

Черт! Вопреки здравому смыслу тело вновь отреагировало на воспоминание. Жар прокатился с головы до ног, обратно и... задержался в области живота.

Даже пришлось башкой мотнуть, прогоняя дурман. Нет! Отвратительное ощущение. Оно мне не нравилось. Тем более в отношении Королька!

Именно это и омрачало ситуацию – соседская девчонка, которая уже давнее время мозолила глаза, навязывалась с дружбой. А самое отвратительное, из-за отца которой разрушилась моя семья!

Именно так!

Нет, маму не упрекал, батю не оправдывал, он был очень ревнив и часто поступал неправильно, но больше винил в случившемся отца Королька. Весь из себя такой интеллигентный,

умный, ранимый... С нежными чувствами к умирающей жене, да медовыми к доченьке. Прямо патока до скрежета зубов. Словно не понимал, что своими проблемами мешал другим. Тихими и скромными улыбками сбивал мать с пути истинного.

А она очень чуткая, добрая душа всегда и всем стремилась помочь. И этому «страдальцу» тоже: то за женой присматривала, то с похоронами помогала, то потом возилась с Иркочкой...

Вот мой отец с громким скандалом и ушёл из семьи. Точнее, мать прогнала, ведь он в который раз нарушил обещание не играть, не пить, не гулять. Бешусь, потому что всегда покладистая и терпеливая мама, закрывающая глаза на проступки бати, всё же не выдержала. А он ничего из ряда вон выходящего не совершил – покуролесил как обычно... Так ведь из-за соседа сорвался. Не знал куда злость и ревность деть, вот и пошёл на бои.

Мамка рубанула, словно не было счастливых моментов. Будто не было любви... Из-за соседа... Совсем повернулась на сочувствии и к мужику и его дочери. Даже не посоветовалась, а я любил бату. Нам было весело. Он умел развлекаться и жил на широкую ногу. Каждый день... Игровые комнаты, спортзалы, площадки, клубы, торговые центры. Он учил радоваться жизни и брать максимум. Наставлял, чтобы не замыкался и не ограничивал себя в чём-то одном. Всегда повторял: «Выбор есть, и только от тебя зависит путь, на который свернёшь». Шутливо называл меня «мозгуролом». Гордился, что в отличие от него, я учился на "отлично". Батя едва школу окончил, в спорт вложил все силы и умения. Поэтому верил, что я смогу большего добиться. И, конечно, надеялся на мои спортивные данные: «Природу не обмануть!» – часто усмеялся, делая захват шеи и взъерошивая волосы на макушке.

Вот она... настоящая жизнь. Яркая, точно вспышка молнии.

Не то, что существование соседей – всё тихо-гладко. Ни веселья, ни кутежа. По крайней мере, для чужих глаз. На самом деле: в тихом омуте черти водятся. Замечательная поговорка. Она подходила Ирочкиному отцу. С виду примерный семьянин, хороший отец. Если бы... не заигрывания с моей матерью и вечное отсутствие в жизни дочери. На это мне, конечно, плевать, просто не люблю лжи и показухи. Лучше быть порядочным человеком, ругающимся матом, чем тихой воспитанной тварью.

Это как раз про Сергея Николаевича.

Так что теперь семейство Корольковых – мой персональный дёготь!

А дочь... да по любому в отца пошла. Уж больно порядочна, не бывает таких. Глядит огромными глазами. Не огрызается... Невинная, как овца... перед забоем.

Дрянная девчонка. Вот какого лешего припёрла на вечеринку? Она совершенно из другого мира. Не создана для веселья!

На таких женятся!

Я заскрежетал зубами. Нравилось или нет, я всеми силами старался выкинуть некоторые эпизоды из памяти, ведь они слишком ярко впечатались в голову.

– Э-э-э, – из тягучих мыслей вырвал окрик Славика Моржова, одного из приятелей, только из параллели. Так уж получилось, что я единственный из своих друганов, кто тянул класс с буквой «а». Вот и виделись только на переменах, да после уроков. – Игнат, – махал парень и мчался ко мне по гудящему коридору, наплевав, что не всегда вписывался во встречных. Третий этаж этого крыла, в отличие от второго, не пустовал, и всё потому, что в конце того находился кабинет директора. Не каждый ученик решится на глазах строгого директора нарушать школьный порядок.

– Здоров, – поприветствовал я друга выверенными движениями: руками, пальцами, кулаками, плечом. – Чего такой возбуждённый? – хохотнул, только закончили ритуал.

– Бл***, запыхался пока бежал, – выдохнул Морж. – Это, как его... Королька видел?

– Нет, – улыбка сошла с моего лица. О ком, о ком, а об этой девчонке совершенно не желал слышать. И уже тем более её видеть!

– Она к директору с отцом пошла.

– Что? – ёкнуло сердце. Даже мелькнула гадкая мыслишка, что мелкая на меня решила написать заявление.

Вот только за что?..

– Ага, я видел... – поддакнул Славка. – Она на машине приехала. Без школьных вещей. Бежала к входу, а потом сразу к директору в кабинет. Папаша следом явился.

– И? – попытался не выдать волнения я. Морж, то есть Славка, с недавних пор стал тусоваться с Лавиным Вадимом, главным сплетником школы. Знал всегда, все обо всех. Так что Морж, подхватив заразу: "должен трепаться на каждом углу обо всём", непросто так прибежал. Значит, в курсе дела.

– Отец её в кабинете с директором остался. Вроде как пишет заявление о переводе, а Королёк в отдел кадров убежала. Документы забрать.

– Что? – повторил я глупый вопрос. – Она что... – сощурился, – из школы уходит?

– Насколько успел услышать – уезжает. В Европу! – это уже Славик обронил с завистью.

– Ого, – присвистнул Штыков Ромка. С наскоку ухватил меня за шею и потянул вниз, отработывая очередной приём. Братан – спортсмен и любитель на ком-нибудь потренироваться. Сегодня не было желания играть, поэтому ловко ушёл из захвата, и недовольно плечом толкнул парня:

– Отлично, пусть катит. Такие умы там нужнее...

Ребята захохотали, и мы двинулись дальше по коридору, к лестнице.

Всеми силами старался не думать об услышанном, но поздно понял, что вместо второго этажа спустился на первый и уже, замедлив шаг, проходил мимо отдела кадров.

На миг остановился, не вслушиваясь в поверхностную болтовню приятелей, и в тот самый момент, когда мелькнула разумная мысль, что лучше отсюда уйти, дверь кабинета распахнулась, и на пороге замерла Королькова. Опешила, это было видно по расширенным глазам, резко побледневшему лицу, рваному дыханию, плотно сжатой полосе рта.

Ирка прижала к себе толстую папку, не сводя с меня затравленного взгляда.

– Дверь закрой! – раздался командирский голос работницы кадров. Это привело всех в чувство. Ирка поспешила прочь, затворив за собой дверь и опустив голову. Глазами проводил девушку, не в силах что-либо сказать. В голове сильно пульсировала кровь, сердце ухало точно ненормальное. Я был чрезвычайно рад и в то же время до бешенства огорчён.

– Братан, ты чего? – прописал мне дружескую затрещину Штык, чем вывел из прострации. – Сказал же, что тебе плевать...

– Да мне пох***, – отмахнулся я, как можно безразличней, тотчас поспешив с ответом на наглость, запрыгнул на спину Ромыча. – Хотел убедиться, что точно она...

– А-а-а, – протянул с сомнением Штык. Между нами завязалась короткая приятельская потасовка. Только успокоились, я бросил косой взгляд в спину удаляющейся Ирки и проклял тот день, когда девчонка влезла в мою жизнь. Порывисто поправил лямку рюкзака и пошёл с друзьями дальше по коридору, словно мне туда и надо было. Почему-то боль растекалась в груди. Сердце билось в тоскливом ритме, а настроение упало ниже некуда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 10

Наше время (2,5 месяца до СВМА1)

Ирина

Откинувшись на спинку заднего сидения такси, с волнением ожидаю возвращения в дом бабушки и дедушки. Пять лет пролетели почти незаметно, и в то же время насыщено и ярко. Я успела с папой побывать и в Европе, и в Канаде, и в Китае. Каждое место пребывания отпечаталось в памяти и оставило неизгладимый след в душе.

Разные менталитеты, языки, нравы и устои. Нет, я прежняя девчонка из России, вот только научилась смотреть на жизнь с разных сторон, а ещё поняла, что нельзя упускать момента. Нужно жить!

В Лондоне на первых порах пришлось трудно. Ещё бы, мой английский был груб и неотёсан. Не скажу, что кто-то меня попрекал акцентом или смеялся, когда допускала речевые ошибки, но остро ощущала разницу в произношении и подаче. Поэтому жадно глотала, учила, и вскоре заметила, что стала более раскрепощённой и общительной. Нашла единомышленников по научной жизни. Повезло. Разработки так понравились комиссии, что меня приняли в колледж без экзаменов и почти не глядели на итоговый бал, который вместе с рекомендациями прислали из школы. Схватили с руками и ногами, лишь бы продолжала работать над задумкой у них. Гранты выделялись регулярно. Группа мальчишек и девчонок с идентичными увлечениями подобралась быстро.

Я не знала проблем и полностью погрузилась в исследования. Только изредка душа рвалась на родину, и тогда я брала в руки доску или велик и шла на поиски тех острых ощущений, которые могли бы хоть как-то приглушить тоску по дому.

Как оказалось, найти любителей данных видов спорта в большом европейском городе легче некуда. Поэтому и здесь преуспела. Вот только школа обучения оказалась другой. На улице, как правило, не появлялись профессионалы, у них были свои клубы, оборудованные площадки. Одну из таких и нашла. Купила членский билет и стала посещать, пока на меня не положил глаз один парнишка. Хенри Джоунс. Милый, художавый, весёлый обаяшка с белоснежной улыбкой и неунывающим характером. Помогал советами, таскал на вечеринки, знакомил с интересными людьми. Он умел и любил дружить – с открытой душой и огромным сердцем. Подсадил на новый вид увлечения – ведение блога. Помогал, модерировал. Дружба завязалась крепкая, а вот отношения не получились. После первого же поцелуя поняла, что это не принц моих грёз. Хотя какое-то время себя заставляла с парнем гулять. Мне нравилась его компания. Пусть нет волнующих душу эмоций, зато есть теплота и покой. С ним я всегда улыбалась. Знала чего ожидать, могла положиться, довериться. И он согласился... на платонические отношения. Мы продолжали встречаться, а я упорно отрицала, что в памяти слишком ярко осел поцелуй Игната, из-за которого теперь все мальчишки казались обычными и не более чем милыми.

Когда через два года отец объявил, что должен ехать в Канаду, расстроилась. Мне нравилась жизнь в Лондоне, да и перспективы были грандиозными. Несколько раз взвешивала все за и против, ведь папа оставлял выбор за мной – остаться здесь или ехать с ним. Но в итоге решила, что не осяду в Лондоне. Жизнь – движение, а я хотела жить!

Начинать всё сначала?

Не боялась, поэтому с воодушевлением переехала в Канаду.

Как бы плохо ни относились к россиянам в связи с последними мировыми событиями, ко мне и отцу не выказывали неуважения и с радостью принимали везде. Ещё бы, папа приехал ознакомить других микробиологов со своей запатентованной разработкой. Да, это было непатриотично, делиться довольно интересной находкой, но отец больше стремился к яркому открытию, и понимал, что только с помощью других может перейти на новый уровень. Его не пугало, что могли украсть идею, новые задумки и часть экспериментов, больше всего на свете мечтал сделать доступным простому народу то, над чем упорно работал эти годы.

Мои проекты были куда скромнее, но, тем не менее, для моего возраста – интересно и значимо. Как и для многих университетов и институтов. И если в Лондоне уже подала документы в самые значимые учебные заведения, то в Канаду отправила портфолио в университет «Трент».

Меня приняли...

Ребята тут были разнотипные, и что немного напрягало – универ разделялся на сословия. Я так и не поняла, к кому относилась, да и не особо над этим задумывалась. Выживать училась со времён школы, поэтому точно знала, как бы дело ни пошло – я выстою.

Вошла в аудиторию, всем объявили, что новенькая и это было всё... Никто не пытался со мной познакомиться ближе, втереться в доверие или попытаться спровоцировать на ссору.

Зато после того как преподаватель по микробиологии увидел мою работу и этапы исследований, сразу же завертелась лабораторная жизнь. Андерс Джонс был крайне удивлён, что девушка смогла так далеко продвинуться в столь кропотливом проекте. Нашёл несколько ребят в помощь, и группа очень дружно и слаженно продолжила исследования.

Немногим позже стала понимать: часть сокурсников надо мной откровенно потешалась – ботаничка и т. п. Красотки давились ядом, а парни... ну после нескольких отказов самым важным личностям универа пустили слюшок, мол, лесбиянка. Что ж, это тоже стойко пережила, даже пришлось повоевать за собственное тело с другими представительницами женского пола, кого возбудила мысль, что я их ориентации. Мнение народа разделилось, а вскоре, затухло, за неимением каких-либо новых сплетен и грязных подробностей о моей личной жизни.

А ещё через время гормоны стали просыпаться. Хотелось себя ощущать нужной, желанной...

Вот тогда универ вновь загудел обо мне, правда, только в одном ключе: су***, которая вечно динамит. Парни... Их было много, но дальше липких и слюнявых поцелуев дело не заходило, ведь никто сердце толком не всколыхнул, чему усердно радовался папа. Он всё время повторял, что влюблённость делает нас глупыми, а мне ну никак нельзя терять голову. Мне необходимо погрузиться в работу, пока не смогу добиться успеха, а вот потом... можно и о личной жизни подумать.

В чём-то с ним была согласна, но гормоны... Чуткое девичье сердечко... Я упорно мечтала вырвать из памяти злосчастный поцелуй и стереть любое упоминание о взрыве эмоций, что теперь преследовали.

Несмотря на уговоры родителя, делала попытки с кем-то встречаться, но через несколько месяцев ясно поняла, что канадская молодёжь свёрнута на сексе. Им не нужны чувства, отношения. Банальный трах, петтинг от лёгкого до жёсткого, а остальное – побоку...

Я не была готова к таким скорым и бесчувственным встречам, поэтому после десятка ухажёров решила, что с личной жизнью повременю.

Сделала ставку на спорт. Он стал моей вечной отдушиной. Упорно закрепляла умения в уличных катаниях и продолжала вести блог, где выкладывала удачные видео со своими трюками и прокатами. Именно в Канаде стала изучать паркур, но, признаться, это было слишком, в виду чего мои познания в этой области так и остались на среднем уровне. Погасить прыжок, подтянуться, перепрыгнуть, забраться на некоторые высоты... О большем не мечтала, да и не считала нужным. У каждого своя ниша, пристрастия. Поэтому упорно искала то, что может заполнить брешь в сердце.

И когда первый раз села за руль, поняла – это оно! Скорость – моя болезнь! Сдала на права легко, поэтому отец позволил купить подержанный автомобиль. Тогда ощутила себя на седьмом небе от счастья. Частенько выезжала на трассу, проверить скорость, отточить мастерство.

Однажды после очередной тренировки на доске встретила Андерса Джонса на улице. Он взялся проводить меня до дома, где и настала неловкая заминка. Непонятно почему смутилась, а преподаватель поспешил ретироваться со словами:

– Завтра увидимся.

На следующий день после лекций вошла в лабораторию, где и получила шокирующее признание от мужчины. Клятвенно заверял, что спать не может, всё думает обо мне...

Я была настолько поражена, что не нашла ничего более верного, как уйти.

Несколько дней всячески избегала преподавателя, раздумывала над услышанным, а потом решила на разговор, ведь мужчина мне искренне нравился. Невысокий, спокойный, умный, ответственный, ненапористый.

Объяснила, что пока не готова к очень близким отношениям, но если бы он набрался терпения, то, возможно... мы попробовали бы...

Андерс был счастлив. Этого не скрывал, но и умело держал себя в руках. Никто из студентов и лаборантов не догадывался, что мы стали встречаться. Поначалу всё было мило и нежно, совершенно не докучно. Андерс как и обещал – терпел, рук не распускал, да и особо с поцелуями не лез. Мы большей частью обсуждали разработку и исследования, и крайне редко затрагивали личные темы.

Так прошёл месяц. Второй... За это время позволила лишь некоторые ласки, которые допускал внутренний психологический барьер. Понятия не имею откуда он взялся, но в какой-то момент отталкивала Андерса и смущённо лепетала, что ещё не готова к более тесному контакту. Признаюсь, его прикосновения хоть и были довольно опытными и нежными, но не производили того эффекта, как когда-то близость с Игнатом и его наглые руки. Я откровенно злилась и проклинала тот злосчастный день.

А ещё парня...

В сердцах кричала, что ненавижу его ещё сильнее и даже настраивалась на решительный шаг с Андерсом, вот только отец опять огорошил новостью, что работа в Канаде подошла к завершению.

Он получил приглашение из Китая. Как и в Лондоне давал выбор. Я даже не раздумывала, просто согласилась ехать.

Андерс был в горе и повёл себя странно. Устроил прямо на улице сцену ревности. Махал руками, кричал, взывал к совести и рассудку. Меня спасло лишь то, что вовремя появились знакомые, с которыми каталась на скейтбордах.

Наскоро распрощалась с Андерсом, а наутро подала документы о переводе в учебное заведение, которое выбрала, штудировав информацию о том городе, куда собирался отец.

Шанхайский университет являлся крупнейшим учебным заведением Шанхая и находился под управлением Народного правительства города Шанхай. Грандиозное заведение, включающее в себя одиннадцать научных институтов, изучающих [социологию](#), [языковедение](#) и [литературу](#), [математику](#), [физику](#), инженерную [механику](#), материаловедение, [металлургию](#), электрическую инженерию, [высокие технологии](#). Ведущее обучение по 37 [докторантским](#), 131 [магистерской](#) и 67 [бакалаврским](#) специальностям. В университете также есть четыре государственных программы и восемь программ муниципального уровня.

Я металась между прикладной химией и биомедицинской химией. Оба направления интересны и в итоге выбрала последнее.

Вот где была шокирована по-настоящему, так это в Шанхае. Новая культура и люди. Вежливые, весёлые, безгранично активные. Такое впечатление, что земля работала от энергии именно этих людей. Улыбчивые, пунктуальные, учтивые. Нация многогранная, трудолюбивая, открытая. Я честно влюбилась в Китай, но сердце продолжало кровоточить по родине.

Именно в Шанхае познакомилась с Лианг Жи Линем, эдаким адреналинщиком и богатым парнем. Его родители были весьма состоятельными предпринимателями. Сеть пятизвездочных отелей по стране. Лианг с детства купался в роскоши. Его баловали и прощали любые выходки. Он пользовался...

Жи Линь не был плохим, но испорченным, упрямым – да. И мне нравился этот испорченный, разгульный парень. Он был популярным, интересным, опасным... И как и я болеющим разными экстремальными видами спорта. Лианг посадил меня на авто и мотогонки. У него была своя школа и несколько треков в распоряжении и под колпаком. Парень терпеливо обу-

чал навыкам скоростной езды, а потом курировал экстремальное вождение. Показывал разные трюки и фишки.

Обучение давалось на удивление легко – я как губка впитывала информацию и всё уверенней ощущала себя за рулём, участвовала в гонках и кроссах. В этой стране было запрещено подобное, поэтому часто приходилось скрывать лица на видео, которые снимали для выкладки в соцсеть. А роликов заливали немало. Подписчиков было бескрайнее море и ещё вагончик. Попадались и злые на язык, но я в полемику редко вступала, поэтому ограничивалась лишь тем, что загружала новинки.

А ещё Лианг Джи помог ощутить свободу. Свободное падение... парапланы, парашют. Так он прививал любовь к высоте и пытался научить притуплять страх падения. Хотя всегда говорил, что любой прыжок, как первый, до дрожи в коленках и иступлённого бита сердца.

Впервые в жизни испытывала столько эмоций. Адреналин реально зашкаливал и именно в такой момент Лианг Джи предложил встретиться.

Я смотрела в бездну неба и понимала, что не могу сделать решающего шага.

– Ты мне доверяешь? – Лианг старался перекрыть гул самолёта. Он стоял за спиной. Очень близко, так близко, что это придавало уверенности.

Не задумываясь, кивнула. Зажмурилась, и в следующий миг уже задохнулась от прилива ужаса и одновременно восторга. Лёгкий толчок в спину отправил парить в небе свободной птицей. Тут не было ни подлости, ни коварства. Ни предательства, ни обмана. Ни угроз... полная, абсолютная свобода...

Ещё секунда, и за руки вцепился Лианг, который прыгнул следом и сейчас меня нагнал. Несколько секунд мы парили, смотря друг на друга. Джи Линь коснулся мимолётно моих губ и, отсчитав пальцами «три», дёрнул за кольцо парашюта.

Меня подбросило, хотя на деле всего лишь замедлилась скорость – так называемый динамический удар, ведь надо мной быстро раскрылся огромный зонт.

Уже на земле Лианг Джи обнял и с жаром уточнил:

– Ты будешь моей?

Лишь моргнула, всё ещё прибывая в экстазе от полёта и приземления. В голове грохотала кровь, сердце выскакивало из груди.

– Я могу тебе подарить жизнь, только верь мне.

И я глупо доверилась. Подсела на него и его увлечения, какое-то время слепо следуя, куда бы не шёл. Я погрязла в нём, в его жизни. Единственное, не спешила с отношениями, потому что боялась... И как оказалось, правильно делала, ведь уже через несколько недель Лианг Джи начал вести себя опасно и безрассудно. Он ввязывался в драки от ревности или просто, чтобы кому-то что-то доказать. Затевал экстремальные споры и выполнял трюки на грани смерти. При всей сдержанности тигра, что красовался на спине Джи Линя, парень был жесток и скор на расправу. Точно хищник, подминающий любого, кто смел претендовать на территорию, на пальму первенства, на его женщину... Он был беспощаден...

Я умоляла его остановиться, часами выживала в больницах, если случалась авария или травма, даже получала выговор от его родителей, хотя честно не понимала в чём была моя вина. А Лианг... он плотно подсел на адреналиновую иглу.

Это чётко осознала, когда случился очередной спор и Джи Линь рискнул пойти на опасный трюк. Прыгал с крыши движущегося автомобиля на крышу другого. До последнего отказывалась содействовать, но страх толкнул быть рядом. Лианг убедил, что только мне доверяет, и я просто обязана быть с ним.

Я управляла машиной, с которой он прыгал...

Множественные переломы ног, рук, рёбер. Смещение позвонков, сильнейшая травма головы. Несколько дней в коме...

Несколько дней сущего ада.

Я молилась, чтобы он выжил. Терпеливо выхаживала, даже несмотря на проклятия его родителей, а когда поставила на ноги, сообщила, что больше не могу с ним быть. Решила полностью посвятить себя науке, ведь из-за Лианга обучение затормозилось. Ещё бы – мне приходилось бросать учёбу и мчаться выручать френдa из очередной неприятности. А ещё устала бояться. Бояться, что проснусь и узнаю, что он погиб.

Парень требовал одуматься. Клялся, что больше не допустит ничего подобного, но я была неумолима. Как бы ни было больно решила, что эти отношения должны закончиться и ушла.

Лианг Джи преследовал несколько месяцев, обрывал телефон, передавал сообщения через знакомых, поджидал у дома. Писал в соцсетях. Я не железная, уже была готова сдаться... Моё сердце билось по этому парню, какой бы глупостью ни была наша связь.

Как всегда вмешался папа. Он был занят собственными делами, но никогда не выпускал из виду меня и мои увлечения. Очень переживал за всё, но с советами не лез, ведь могла копытом ударить и поступить ещё более неразумно.

Отец гордился моей силой, целеустремлённостью. О чём не забывал напоминать. Вот так как бы случайно, но в то же время к месту, сообщил, что его работа в Китае окончена, и он собирается обратно в Россию...

Моя душа как птица Феникс вначале сгорела за миг, а потом медленно, но верно стала оживать. Дом! Боже, как же я соскучилась по дому... По бабушке и дедушке!

Не сомневалась ни секунды, — без раздумий нашла в Питере университет, отправила заявку на перевод и уже через несколько дней получила подтверждение, что меня ждут на курсе. Бюджетного места уже не было, — это и понятно в конце учебного года, — но если покажу те же успехи, что и обучаясь до сего момента, то с начала нового комиссия постарается найти для меня вакансию.

Уверена, этому поспособствовал отец. У него были связи, но вряд ли папа просил звезду с неба или привилегий, думаю, просто уговорил ректора дать мне шанс.

Санкт-Петербургский государственный университет! Оставалось всего ничего — несколько месяцев до летней сессии и больших каникул. Лучшего варианта даже не искала. И папу, и меня это очень обрадовало и устроило, да и недостатка в деньгах не было. На семейном совете решили ухать! Уже через неделю собрались и отправились домой.

Я переживала за Лианг Джи, но твёрдо решила начать новую жизнь! Без него... Ему оставляла жизнь без меня, ведь только так мы могли бы не спалить друг друга.

ГЛАВА 11

Ирина

Дыхание учащается, когда вижу знакомый пейзаж: Питерскую слякоть, весеннюю пасмурность, дома соседей, улицу, по которой долгое время ходила в школу, саму школу... Сердце колотится сильнее, когда минует коттедж Артёма.

Жадно перевожу взгляд, перескакивая с дома на дом, с дерева на дерево, с куста на куст, с забора на забор... Всё знакомо. За пять лет отсутствия мало что изменилось. Вот только деревья... стали ниже... или остались такими же?

Машина сворачивает на улицу, где живёт бабушка и дедушка, а перед ними стоит дом Игната и его матери.

Теперь сердце уже не колотится — оно так мощно грохочет, что в груди становится больно! Кислорода совсем не хватает, и поэтому закрываю глаза. Заставляю себя успокоиться, глубоко вдохнуть...

Такси останавливается, и голос родственников возвращает на землю:

— Ирочка! — всплскивает руками бабуля. В тёплом пальто, резиновых сапогах. Торопливо идёт к авто, а за локоть её придерживает дедушка, тоже одетый по прохладно-весеннему. Распахиваю дверцу и спешу навстречу к родственникам.

Уже в следующую секунду бабуля и дедуля заключают меня в крепкие объятия.

– Внученька, – рыдает ба. – Как же ты выросла! Стала такой... хорошенькой. Дай на тебя посмотрю. – Бабушка чуть отступает и заставляет меня прокрутиться. – Нет, – не то сокрушается, не то восхищается, – ты не хорошенькая, – в глазах мелькает горечь вперемешку с любовью. – Истинная красавица!

– Ба, ты мне словно приговор вынесла, – пытаюсь обратить в шутку реплику родственницы.

– Так ведь в красоте много горя бывает, – резонно подмечает бабуля. – Это сколько же теперь женихов наш дом будет осаждать?!

– Ба, – поджимаю губы. – Я с ними на раз справлюсь, и отворот поворот дам, клянусь, – поднимаю руку с жестом «клянусь». – Уж чего-чего, а это я научилась делать на «отлично»!

– Да не слушай старую, – обнимает её за плечи дедуля. – Она от счастья не ведаёт, чего говорит. Женихи – значит, женихи! Если что, у меня есть очень хорошая метла. Я тебе помогу...

Ну вот как не улыбнуться?!

– Спасибо, дед, – чмокаю старика в щёку. – Ну что, так и будем стоять, или всё же отпустим таксиста? – решаю поторопить родственников.

– Да, да, конечно, – спохватывается ба. – Дед, помоги с вещами, – машет на машину. – А то, помнится, когда Иришка уезжала, у неё столько багажа было... – закатывает глаза.

– С тех пор многое изменилось, – пожимаю плечами. – Да и основные вещи потом придут. Папа грузовую машину заказал...

Бабуля хмурится. Дед спешит к багажнику. Я расплачиваюсь с таксистом, один рюкзак ловко закидываю за плечи, а большую сумку, где все основные вещи, забирает дедуля.

– Это всё? – поражается бабушка и неверяще смотрит вслед отъезжающей машине, словно раздумывает, не увёз ли мужик чего с собой чужого?

– Ба, – водружаю руку на плечо родственницы. – Всё самое важное на первое время – тут!

– Хм, – озадачивается бабуля. – А может, ты мне чего не договариваешь? – хмурит седые брови; на старческом лбу, и без того изрешечённом морщинками, пролегают ещё три крупные. – Ты не собираешься у нас жить?

– Ба, – скулю театралью и побуждаю родственницу пойти к дому. – Я же теперь в универе буду учиться. Ездить каждый день туда обратно – накладно, да и далековато. Мне и так на сон мало времени останется. Но на выходные к вам буду навещаться, клянусь, да и каникулы...

Бабушка заметно расстраивается. Остальной путь до дома шагаем молчала.

– Ба, не дуйся, – ласково подлизываюсь уже в зале, обняв родственницу. – Я к вам первым делом приехала. Соскучилась, а ты дуешься...

– Просто я... просто мы... – встряхивает бабуля головой. – Всё понятно, дело молодое: личная жизнь, учёба... Не обращай внимания, – отмахивается. – Прав дед, накручиваю. Ты теперь взрослая. Что тебе с нами жить?!

Ну нечестно вот так на жалость давить! Понятно ведь, что родственница очень расстроилась. Ничего, ба отходчивая, и вскоре примет всё, как должное.

– Так говоришь, что в университет поступила? – бабушка вновь нарушает молчание, когда уже все садимся за стол. Он ломился от вкусного и такого забытого, приготовленного родственницей съестного. За границей настоящей русской кухни не было, поэтому первым делом накидываюсь на бабушкин борщ.

– Нет, – отзываюсь, едва прожёвываю порцию. – Поступила ещё в Канаде. Потом перевелась в Китай, а теперь вот в Питер. Программа обучения хоть и разнится, но ректор и декан оценили мои итоговые баллы, и поэтому позволили без вступительных экзаменов перевестись. Да к тому же мои разработки везде интересны. Они обещали мне работу подыскать, а возможно, и бюджетное место выбить.

– Ой, как было бы замечательно, – радуется бабушка. – Ты же такое умище, – кивает значимо, в старческих бледно-голубых глазах плещется любовь и восхищение. – Как отец и мать! Университетским профессорам за тебя руками и ногами держаться нужно, – знающе продолжает, – а то, вон, какая шустрая, то там, то там... везде успеваешь.

– Ну ты меня прям захвалила, – тихо улыбаюсь с затаённой грустью. – Не перехвали, разочаровываться в людях очень больно!

– В тебе? – удивляется ба. – Нет! В тебе я никогда не разочаруюсь, – отрезает уверенно. – Что бы ты ни сделала, как бы ни поступала, ты – наше счастье и кровинка. Мы жизнь свою не пожалеем за тебя.

Разве может такое не растрогать?! Мда, вот и я тронута до глубины души, смаргиваю накатившиеся непрощенные слёзы.

– Ну, ну, – вклинивается в разговор дед. – Хватит слёзы пускать, – журит нарочито строго. – Еще? Чего не хватало пересоленный борщ кушать. Юль, – хмуро бросает бабуле, – заканчивай нашу принцессу доставать. А то уедет опять, и потом будем долго ждать возвращения!

На том щекотливый разговор прекращаем.

После обеда поднимаюсь в свою комнату. Отворяю дверь и застываю на пороге. Надо же... ничего не изменилось с тех пор, как я уехала! Даже две единственные мягкие игрушки, которые всегда называла пылесборниками, сидят на постели.

– Я ничего не переставляла, – раздаётся тихий голос бабушки за плечом. – Лишь пыль смахивала, да пылесосила, ну и постель... Не хотела ничего менять.

Опять обнимаю бабулю:

– Я вас так люблю! – с чувством шепчу в висок и чмокаю. – Я очень рада, что вернулась. С вами я была счастлива.

– Разве? – с надеждой и сомнением одновременно смотрит родственница на меня. – Мне показалось, ты сбегала от несчастливой жизни.

– Нет, – пристыженно мотаю головой. – Я сбегала от себя!

– Проблемы нужно решать, а не бежать от них, – мягко поправляет ба и нежно гладит меня по голове. – Надеюсь, теперь ты готова к этому, – добавляет и подталкивает в комнату: – Ступай, приберись! И вещи не разбрасывай! Всё должно быть аккуратно по полочкам в шкафу разложено и развешено, – это уже говорит нарочито строго, словно я – малое дитя, которое вечно наводит беспорядок.

Как не улыбнуться такой заботе?

Шагаю в свою комнату.

Я дома!

ГЛАВА 12

Ирина

Иду по длинным коридорам универа, прижимая к груди документы.

Наконец продолжу учёбу. За время путешествия разное было, но больше развлечений и экстрима, теперь хочется полностью погрузиться в обучение.

В кабинете проректора по учебной работе приходится ещё раз рассказать об образовании, о проекте и исследованиях. Важный мужчина в дорогом костюме с показным энтузиазмом кивает, а потом отправляет меня в студенческий отдел кадров, а уже оттуда посылают в деканат биохимического факультета.

Так как сейчас перемена, по этажам снуёт много молодёжи. В деканат я еле протискаюсь.

В просторном помещении с офисной обстановкой, где работает шесть специалистов, первокурсники жалуются на преподавателя по химии, который назначил предварительный проб-

ный зачёт, уверяя, что никто из первокурсников не тянет программу, и вообще они все до единого кандидаты на отчисление по его дисциплине!

Даже страшно становится, что за зверь-преподаватель, а когда мне выдают расписание и советуют забежать на ведущую кафедру, чтобы хоть как-то познакомиться с преподавательским составом и уж тем более с зав. кафедрой, совершенно торопею. Столкнуться лицом к лицу с садистом-преподом, который как раз с этой кафедры, в первый же день – просто казнь египетская!

Но делать нечего, поднимаюсь на второй этаж. Проходя по коридору, всматриваюсь в таблички на дверях, а когда обнаруживаю нужную, глубоко вздыхаю.

Как показала жизнь в других странах, робких никто не уважал и не слышал, поэтому смело стучу и решительно открываю дверь.

– Здравствуйте!

За небольшим ресепшеном в приёмной сидит довольно красивая, яркая девушка лет двадцати-двадцати пяти. Она вяло поднимает голову и окидывает меня отсутствующим взглядом. По характерному звуку понятно, что девушка печатает на компьютере.

– Здравствуйте, – вновь нарушаю молчание. – Я перевелась из другого университета в ваш. Методист деканата меня отправила узнать о преподавателях второго курса биохимического факультета, и если есть возможность, поговорить с зав. кафедрой.

Девушка всё с тем же безразличием несколько секундковыряется у себя на столе. Равнодушно кладёт передо мной лист формата А4, где оказывается списочный состав кафедры с полными Ф.И.О. преподавателей и дисциплин, которые они ведут. А ещё внизу жирным выделены телефоны деканата и кафедры.

– О, – пробегаюсь глазами по списку, – спасибо огромное! А с зав. кафедрой когда можно встретиться?

– Он занят, – сухо отзывается девушка, вновь уставясь в экран монитора.

– А когда освободится? – начинаю злиться на работницу, ведь она настолько игнорирует разговор, что это уже на грани приличия.

– Совещание у него важное, – одаривает меня недовольным взглядом девушка. – Занят, а когда освободится – не знаю.

– Хорошо, – решаю попытаться счастья с другой стороны. – Где мне найти его расписание, чтобы я сама могла его поймать?

– В коридоре, – отрезает девица тоном: «Ну ты и тупая». – Общее расписание висит там, на стенде. Вирзин Андрей Юрьевич.

– Вирзин? – с глупой задумчивостью повторяю. Опять уставляюсь в лист, который девушка недавно дала, и тотчас нахожу строчку: «Зав. кафедрой – Вирзин Андрей Юрьевич». Это же хороший знакомый отца! Одно время они вместе работали над исследованиями.

В этот самый момент дверь в кабинет зав. кафедрой распахивается, и в приёмную выходит сначала представительный мужчина в смоляном костюме, да при галстук, а следом за ним и сам Вирзин.

– Спасибо, что зашли, – широко улыбается Андрей Юрьевич, адресуя фразу гостю. – Надеюсь, в следующий раз мы вас порадуем больше, – источает слащавое гостеприимство.

– Да, – холодно отзывается мужчина. – Я тоже. До свидания, – реплику бросает уже явно для ушей всех и, коротко кивнув, покидает кабинет.

Вирзин сразу же перестаёт улыбаться:

– Лера, быстро в главный корпус! Найди Антона, и его ко мне!

– Но телефон...

– Не отвечает! – обманчиво вкрадчиво поясняет зав. кафедрой.

Девушка поспешно вскакивает, в глазах мелькает паника:

– Да, конечно, сейчас.

Андрей Юрьевич уже было скрывается у себя в кабинете, как его взгляд цепляется за меня. Мужчина хмурится. Ещё секунда – прищуривается:

– Ира? – уточняет неуверенно. – Ирина Королькова?

Торопливо киваю и натягиваю дежурную улыбку:

– Здравствуйте!

Я хорошо помню мужчину внешне. Мы как-то встречались у нас дома. А вот как он меня узнал? Невероятно, ведь столько лет прошло...

– Боже! – расплывается в улыбке Вирзин. – Девочка моя, – раскидывает руки и в два шага оказывается рядом. Без смущения заключает в объятия, словно мы родня. – Сколько лет, сколько зим?!..

– Почти пять, если мне не изменяет память, – отзываюсь, немного опешив от такого приёма. Мужчина чуть отстраняется, но всё ещё продолжает рассматривать с интересом. Смущаюсь сильнее, бормочу: – Ну да, вернулась... Мы с папой...

– Я так рад! – глядывается в моё лицо Вирзин. – Повзрослела, похорошела. Да и разработки твои я уже видел, – не без тени восхищения добавляет. – До последнего не верил, что к нам переведёшься. В общем, я в восторге, в шоке, и с большими надеждами... – склоняет голову, а потом метает недовольный взгляд на шокированную Леру: – Чего стоишь? Марш за Антоном! Он тоже будет рад увидеть знакомую!

Стройная брюнетка мажет недовольным взглядом по мне и, цокая каблучками, быстро покидает кафедру.

– Антон? – в свою очередь уточняю. – Антошка Ярович?

– Ага, – жарко подтверждает догадку Вирзин. – Проходи, – машет в сторону своего кабинета. – Сейчас придёт – нам всем есть о чём поговорить!

Робко шагаю в кабинет зав. кафедры, а как только мужчина ступает следом, то распоряжается:

– Присаживайся. Дверь оставляю открытой. Техника на месте нет, а воровать у нас любят. Так хоть буду слышать, кто входит. Чаю хочешь?

– Нет, спасибо, – рьяно мотаю головой. – Я заскочила познакомиться и свои документы показать.

Следующие полчаса приходится рассказывать, как мы с папой съездили и чего успели добиться. Потом Вирзин жалуется, что умы утекают за кордон, а тут остаются лишь неучи, которые знания получать не желают. Первокурсники даже самые азы не улавливают, а гонору у них...

– А-а-а, – понятиливо улыбаюсь. – Так это вы тот деспот-препод, который над бедными студентами-первокурсниками измывается?

– Это откуда такие сведения? – сощуривается мужчина. Я тотчас давлюсь улыбкой:

– Да так... случайно, – не знаю, как выйти из положения, и наудачу дверь кафедры хлопает. В приёмной слышатся шаги и тихие голоса. Уже в следующую секунду раздаётся робкий стук в дверной косяк, а потом показывается взволнованное лицо парня в очках:

– Можно? – Антошка сначала находит глазами зав. кафедрой, а когда натывается на меня, чуть не падает, пытаюсь своё длинное, щуплое тело удержать в неудобном положении.

– Мы тебя уже ждём! – хозяйски машет Андрей Юрьевич. – Смотри, кого я не отпускаю?! Всё ради тебя. А ты... наглец, так и не продвинулся дальше в исследованиях. Мне сегодня пришлось в одиночку от нашего спонсора отбиваться...

– Я? – задыхается Антошка, ступив в кабинет Вирзина. – Как же это?! – продолжает мямлить, не находя слов. – Ты надолго? – теперь уже переводит взгляд на меня. – Вернулась? – продолжает бессвязную речь.

Открыто смеюсь, но беззлобно:

– Вернулась! Надеюсь, надолго...

– Ирка! – выдыхает радостно Антоха. – Мы же теперь!.. Ух!.. – машет сжатой в кулак рукой.

– Ага, – улыбается словно мартовский кот Вирзин. – Сдвинетесь с мёртвой точки! – уже добавляет нарочито строго.

– Ну, не такая уж и мёртвая, – краснеет Тоха.

– Уж чего-чего, а дебрей много прочесали... – ворчит Андрей Юрьевич.

Ещё полчаса пролетают незаметно, голова пухнет от массы информации, которую парень с зав. кафедрой выливают хаотичным потоком, а когда Андрей Юрьевич начинает собираться, – у него, оказывается, должна начаться лекция, о чём сообщает недовольная Лера, заглянув в кабинет начальника, – Вирзин нас торопит:

– Всё, на выход. На сегодня с меня ваших идей достаточно. А завтра, Ирина, надеюсь, ты уже будешь с нами. Лаборатория открыта. Всё, что имеем – в твоём распоряжении. Твои проекты и разработки с удовольствием посмотрим и посоревнуемся, кто быстрее до чего дошёл...

Послушно покидаем кабинет. Андрей Юрьевич с нами прощается и бодро шагает по коридору дальше, а мы останавливаемся возле лестницы:

– Ну что, ты рада, что вернулась? – с надеждой роняет Антошка.

– Конечно! – без лукавства отзываюсь. – Очень. Скучала. По тебе, – поднимаюсь на цыпочки и взъерошиваю длинноволосую русую шевелюру приятеля. – По нашим разработкам. А Анюту давно видел?

– Что ты?! – опять улыбается смущённый парень. – Она с нами в лаборатории корпит. Только у неё теперь другие увлечения. Она больше фармацевтикой грезит. Хочет в аспирантуру. А ещё...

– А ты? – спешу уточнить.

– Тоже в аспирантуру. Хочу преподавать! – жарко добавляет Антошка и поправляет очки. – Нравится мне это дело.

– Круто! – радуюсь. Быстро на листе бумаги пишу свой телефон: – Вот мой номер. Если что, звони, – протягиваю другу. – Ладно, до завтра. Мне ещё уйму дел нужно сделать! – Чмокаю в щёку. – После лекций встретимся.

– Пока, – сникает Антоха, прижимая к груди листок.

Торопливо сбегая по лестнице. Уже на улице застываю и шумно глотаю воздуха.

Боже! Как много воспоминаний! Они накатили слишком быстрым потоком. Хорошо, что разговор оборвала. Не хотела, чтобы Антошка стал рассказывать о других, о ком слышать больно.

Не то чтобы обида всё ещё была... Нет, время умеет притупить боль, но я боялась опять подпустить к себе близко, а потом разочароваться.

ГЛАВА 13

Ирина

Уже на следующий день, преисполненная чувствами, еду в универ на метро. Грузовая машина с вещами, а главное с любимым транспортом, ещё не пришла, поэтому приходится по старинке. Сначала на автобусе до ближайшей станции метро добираться, а оттуда до универа...

Ладно, ничего. На ногах тоже можно жить! Другие же передвигаются.

Я готова потерпеть, а с будущего учебного года папа обещал помочь с квартирой, если, конечно, сама не смогу заработать. У меня есть приличная сумма, коплю ещё со смерти матери. Не трачу, очень надеюсь хоть комнатку купить... Ну или на съём точно хватит!

Будет совсем удобно. Квартира близ университета!

Шагаю по улице и ловлю себя на мысли, что улыбаюсь. Удивительно! Я так мечтала отсюда уехать, а теперь настолько счастлива вернуться, что даже слов не находится.

Уже в деканате работник, курирующий нашу группу, знакомит со старостой. Бойкой девчонкой в очках и без макияжа. Она очень походит на заучку, причём в поколении.

Света Богданова, девятнадцать лет. Девушка быстро вводит меня в курс дела. Совершает экскурс по учебному корпусу универа чуть ли не за пару секунд. Причём успевает обозначить главные кабинеты. Деканат, кафедру и несколько лекционных, где чаще всего группа собирается.

На сегодня по плану назначены две пары и практики.

О главном административном корпусе говорит: «Туда лучше пореже являться, там опасно, как в катакомбах! Лабиринт от и до. Если не заблудишься, то точно «Минотавр загрызёт». Вот такое погоняло у проректора по учебной работе, который понукает студентов просто потому, что любит, когда в коридорах пусто и тихо.

Про группу Света отзывается коротко: «Очень ленивые, развязные болваны, которых ничего не заботит, кроме собственных гормонов и ответных феромонов противоположного пола». Я чуть не захохотала: «Ну хоть так!». Ведь большинство в этом возрасте именно такие. Значит, нормальная группа – адекватная.

– А где лаборатории биохимии? – запоздало вспоминаю, что хочу уточнить.

– Эм, – задумывается Света. – Это во втором учебном корпусе, на четвёртом этаже.

– Далековато и высокогато, – хмуро подытоживаю.

– Так туда только единицы пока ходят. Спецотдел, так сказать. Весь этаж выделен под разные лаборатории и проекты.

– О, – протягиваю восхищённо. – Понятно.

За болтовнёй мы доходим до лекционного кабинета, где уже гудит вся группа курса. Преподаватель – невысокий, чуть полный мужчина за пятьдесят, без лишней суеты что-то изучает на месте, поэтому мы воспитанно проходим внутрь.

Я так и не поняла с чего, но кто-то из группы присвистывает:

– Ого!

– Аха...

Начинается шушуканье.

Преподаватель лишь поднимает глаза на ребят, и в лекционной тот час опять повисает тишина.

Далеко не иду – люблю чётко видеть лектора, поэтому высоко не поднимаюсь, а сажусь на первом ряду посередине. Удивительно пустующее место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.